

Вавен Мёртвых

Официальные публикации
Армии Р'льеха

كتاب ٤
d₂

Китаб D₂IV. Биография
Абдуллы аль-Хазраджи

Оригинальное арабское название — كتاب الـعزيف (Китаб Аль-Азиф, Книга Грядущего),
в греческом переводе использовалось название Некровоцков (Некрономикон, Завет Мёртвых),
один из латинских вариантов названия — Grimoirium Imperium (Гримоирум Империум, Могущественный гримуар).

Русский перевод основной части текста с древнегреческого выполнен Анной Нэнси Оуэн (<http://tkihi.narod.ru>)

по фотокопиям рукописи Феодора Филета (пер. с араб.),

любезно предоставленным Верховным Неназываемым Жрецом культа Ктулху Зохаваит Фсех.

Переводы отдельных фрагментов производились также с английского, испанского, итальянского,

латинского, коптского, шумерского, аккадского, енохианского и югготского языков.

Текст вычитан и одобрен Иерархами культа Ктулху Зохаваит Фсех.

Редактор-составитель и литературный редактор — Элиас Ньярлатхотеп Отис (Fr. Nyarlathotep Otis),

жрец-архивариус Армии Р'льеха (внутреннего круга культа), 2009 г.

2-я редакция, с исправлениями и дополнениями, 2011-2012 гг.

Воспроизведение и тиражирование всего издания и его фрагментов любыми доступными способами
не только не запрещается, но и приветствуется.

Биография Абдуллы аль-Хазраджи

0. Предисловие

«Чтоб ты жил в эпоху великих перемен!» — гласит известное китайское проклятие. Знаменитому сабийскому поэту, переводчику, мистiku, визионеру и путешественнику Абдулле (Абд-Аллаху) ибн Джабиру ибн Абдулле ибн Амру аль-Хазраджи аль-Ансари (642-732) сполна довелось не только пожинать плоды, но и сеять семена этого проклятия на территории от Йемена до Южной Сибири и от Средиземноморья до Пенджаба, находившейся в ту пору под существенным влиянием Арабского халифата. Его рождение пришлось на время падения персидской империи Сасанидов, стремительного арабского завоевания и возвышения Омейядов. Битва при Пуатье, последовавшая вскорости за смертью Ибн Джабира, обозначила перелом в этих завоеваниях, приведший в скором будущем к падению Омейядов, свергнутых Аббасидами, а позднее — к изгнанию мусульман с большей части Европы и Крестовым походам. Трудно сказать, сколь существенно было в этих процессах участие аль-Хазраджи, но его близость с сильными мира сего и умение убеждать дают некоторые основания полагать, что роль его была далеко не последней. Наиболее фанатичные приверженцы культа Древних (несомненно, даже в наших рядах встречаются фанатики) наверняка припишут это влияние магическим экспериментам «безумного араба», но даже без таковых его можно назвать одним из самых влиятельных «теневых» деятелей ранней истории мусульманского Востока.

Огромен вклад Абдуллы и в развитие философской мысли человечества. Все самые тайные, самые сокровенные из нынешних учений Старого Света носят те или иные следы мировоззрения и практики этого великого человека. Его медитативные техники и аскезы вошли в сокровищницу суфизма. Его расчёты послужили одной из основ каббалистической методологии. Тайные знания Древних и переосмысленный образ Шуб-Ниггурат стали основой вероучения тамплиеров (вспомним, что именно Ангерран Мариньи, один из основателей знаменитого рода Мариньи, участвовал в процессе над ними и, более того, осуществлял передачу их имущества французской короне

и госпитальерам и, таким образом, проще, чем кто либо иной, мог ознакомиться со всеми их материалами!). Тибетский буддизм унаследовал его символизм, и даже самые известные книги Абдуллы и тибетских лам независимо друг от друга и в обоих случаях не из авторских рук получили одно и то же наименование: Книга Мёртвых. Герметические ордена Средневековья и Нового времени — напрямую или через духовных наследников Ибн Джабира — питались мудростью Древних.

Мы не ставим перед собой цели представить вниманию читателей этой статьи высокохудожественное биографическое произведение, хотя накопленных нами данных о Пророке Древних хватило бы одарённому беллетристу на полноценный роман. Этот материал — лишь черновой набросок, содержащий основные известные нам сведения. Если в дальнейшем кто-нибудь пожелает расширить его до художественного произведения, жрецы Армии Р'льеха (внутренней группы культа «Ктулху Зохаваит Фсех») с удовольствием окажут ему посильную информационную поддержку.

Как и у большинства других великих вероучителей, будь то Моисей, Иисус, Мани, Будда или Лао-Цзы, подлинная биография Абдуллы аль-Хазраджи очень быстро оказалась вытеснена всевозможными отрывочными и неправдоподобными преданиями, в которых порою весьма трудно отыскать зёрна истины. Своего рода «медвежью услугу» оказал поэту американский фантаст первой половины XX века, выдающийся «мастер ужасов» Говард Филлипс Лавкрафт (его 120-летнюю годовщину мы отмечаем в этом году), использовав эти предания для создания образа Абдула Альхазреда, «безумного араба», и таким образом превратив знаменитого сабия в литературного персонажа (явление, говоря по правде, не такое и редкое в мировой классике: вспомним хотя бы барона Мюнхгаузена и Ходжу Насреддина).

До наших дней сохранилось несколько более-менее связных жизнеописаний Абдуллы аль-Хазраджи, большинство из которых полны домыслов и анахронизмов. Составляя наш вариант биографии (разумеется, далеко не полный и тоже не претендующий на абсолютную научную достоверность), мы пользовались всеми доступными источниками: и сохранившимися жизнеописаниями, и (хотя и в минимальной степени) художественными произведениями Лавкрафта и Дерлета, и имеющимся в распоряже-

нии Армии Р'льеха греческим списком Аль-Азиф, приписываемым Феодору Филету Мудрому и содержащим некоторые подробности жизни Безумного Поэта, и многочисленными историческими документами, содержащими сведения об эпохе аль-Хазраджи, местах, где он побывал, и людях, с которыми он встречался. Помимо этого, используя опыт группы исследователей «Хакеры Сновидений» и собственные сновидческие наработки, мы «взломали» некий пласт «сновиденной библиотеки» (известной также под названиями «Библиотека короля Мёнина», «Хроники Акаши» или «Лабиринты Зина»), содержащий массу любопытной информации об этом человеке и его трудах. Как добросовестные практики, мы сознаём, что этот источник может быть воспринят как совершенно недостоверный. Однако поражающий воображение уровень подтверждаемости обнаруженных там фактов (например, именно отсюда была получена информация о дате смерти Абдуллы аль-Хазраджи, о политических мотивах его бегства с родины и многое другое из того, что позднее получило историческое обоснование) позволяет использовать его наравне с остальными, а то и с бо́льшим доверием по сравнению с ними. К тому же, мы старались снабжать приведённую информацию своеобразными «грифами», указывающими на степень её достоверности: «можно уверенно говорить», «есть основания полагать» (зачастую — с указанием таких «оснований»), «рассказывают», «такой-то автор считает», «предания гласят», «как указывают со ссылкой на того-то», «по непроверенным данным», «с неправдоподобными и противоречивыми подробностями», «якобы», «скорее всего», «вряд ли», «практически наверняка» и т. п. — которые, надеюсь, позволят читателю составить более объективное мнение и о «безумном арабе», и о самой биографии, и о наследии Древних в целом.

Разумеется, каждая информационная единица проверялась нами столь тщательно, насколько позволяли доступные материалы, и все обнаруженные анахронизмы и противоречия или приводились в согласование с историческими фактами, или безжалостно вычищались. В результате наше краткое жизнеописание Абдуллы ибн Джабира получилось куда менее запутанным, нелогичным и противоречащим себе самому и историческим фактам, чем, скажем, евангельская история Иисуса. Нетрудно вычислить, например, что, если Иисус родился с началом «нашей эры» и умер в 33 году, когда над

ним, как и над аль-Хазраджи семь веков спустя, случилось полное солнечное затмение, то Распятие должно было состояться в Индийском океане, где-то неподалёку от Мадагаскара. Напрасной окажется и попытка найти такое солнечное затмение, которое приходилось бы на Пасху: как известно, солнечное затмение возможно только в новолуние, тогда как еврейская Пасха всегда приходится на середину лунного месяца, то есть на полнолуние. Полны внутренними противоречиями и родословия Иисуса, приведённые Матфеем и Лукой, да и сведения о правителях времён пророка из Назарета далеко не во всём согласуются с данными исторической науки. В случае же с Ибн Джабиром, несомненно, имеется множество «белых пятен» и непроверенных сведений, но откровенных нестыковок пока что обнаружено не было. Впрочем, это не значит, что таких противоречий нет, поэтому, чуждые догматизму и открытые новым познаниям, мы просим наших читателей тщательно высматривать всякие нестыковки и сообщать о них жрецам Армии Р'льеха. Обещаем и клянёмся на греческом списке Аль-Азиф именами Древних, что исправим в биографии Безумного Поэта всё, что подлежит исправлению, и честно и без сожаления вычеркнем из неё любые сведения, которые наши жрецы не смогут объяснить в рамках современной научной картины мира. В свою очередь выражаем надежду, что жрецы других современных религий, великих и малых, тоже когда-нибудь научатся ходить в ногу со временем и исправлять вероучение под факты, а не факты под вероучение. За сим же позвольте поведать вам то, что знаем мы о жизни великого нашего вероучителя и Пророка Абдуллы ибн Джабира ибн Абдуллы ибн Амра аль-Хазраджи аль-Ансари, более известного под именами Абдул Альхазред и «Безумный Араб».

1. Об арабских завоеваниях накануне Рождества аль-Хазраджи

Арабское завоевание началось ещё при жизни Мухаммеда. В 630 году, вскорости после принятия ислама Абу Суфьяном и мекканцами и за два года до кончины пророка, арабы подчинили своей власти почти всю Аравию, включая Йемен. В 631-м (малозначительный факт, который, однако, мы ещё вспомним, когда речь пойдёт о датировке Аль-Азиф) была произведена реформа исламского календаря: год стал состоять из двенадцати лунных месяцев (и, таким образом, на 11 суток короче солнечного года), а от-

счётной точкой новой эпохи сделалась Хиджра — бегство Мухаммеда из Мекки в Медину, состоявшееся в 622 году по юлианскому летоисчислению.

В 632 году, в год смерти Мухаммеда и избрания Абу Бекра, сподвижника пророка, первым «праведным халифом», в Персидской империи (на территории которой родился аль-Хазраджи) воцарился Йездигерд III из рода Сасанидов, последний шахиншах Ирана. В тот же год арабы вторглись в византийскую Сирию и Палестину, а также Сасанидскую Месопотамию, объявив таким образом войну обеим великим державам, порядком ослабленным длительной междоусобицей. В 634 году они начинают завоевание исконных персидских территорий и Малой Азии, в 635-м (уже под властью второго халифа, Умара) берут Дамаск, в 636-м покоряют Финикию. Армия халифата разделяется на три части: одна направлена против Египта, другая — на Сирию, третья — на Персию. В тот же год под властью Умара оказывается бо́льшая часть Месопотамии, на следующий год византийцы сдают арабам Иерусалим, а ещё год спустя они теряют ещё и Антиохию.

Может показаться странным, что отрезанная таким образом от Персии территория, ещё в IV веке заселённая арабами (преимущественно из племени хасанидов, исповедовавших несторианство; родственное им племя, лахмиды, обитали несколько восточнее и придерживались христианства монофизитского толка) по указу императора Юлиана II и потому известная как Бет-Арабайе, Ароб или Арабия, тем не менее, не желала тут же воссоединиться со своими соплеменниками, а оказывала вооружённое сопротивление ещё почти три года после того, как оказалась в полукольце армий Умара. Однако если вспомнить, что именно в Нусайбине, столице Бет-Арабайе, находилась одна из крупнейших по тому времени академий (в конце VI века в ней трудилось около тысячи научных работников, занимавшихся математикой, астрономией и медициной), а весь этот регион славился этническим и религиозным многообразием (здесь можно было встретить зороастрийцев, манихеев, сабиев, гностиков, монофизитов, монофелитов, несториан, ариан, православных христиан, материалистов-дахритов и язычников греческого, курдского, персидского, еврейского, арабского, хазарского, армянского, азербайджанского происхождения), нетрудно понять, почему образованные и веротер-

пимые жители этой земли отказались добровольно сложить оружие перед ордами безграмотных фанатиков. Тем не менее, в 639 году после непродолжительной осады Нусайбин пал, а в течение двух последующих лет была покорена и вся территория Бет-Арабайе.

2. Джабир аль-Хазраджи

Именно здесь и именно в это смутное время, через три года после падения Нусайбина, ночью или утром (не позднее полудня) 3 рамадана 21 года Хиджры (что соответствует 8 августа 642 года по григорианскому летоисчислению или 4 улулу по вавилонскому календарю, бытовавшему в среде сабиев Бет-Арабайе) родился на свет Абдулла ибн Джабир ибн Абдулла ибн Амр Меджнун Захр-ад-дин аль-Хазраджи аль-Ансари. Этот день правоверные ктулхуисты отмечают как Рождество аль-Хазраджи и День Ктулху. Некоторые современные источники указывают совсем другое «подлинное» имя Альхазреда: Абдулла ибн Абу Бин ибн Сауб аль-Хазрадж. Однако, кроме неправильного суффикса родового имени (нисбы), здесь присутствует и совершенно невероятный для арабского имяобразования элемент «ибн Абу Бин ибн...», значащий либо «сын отца Бина, сын...» (имя Бин в арабском языке отсутствует), либо вообще (если читать «бин» как одну из транскрипций слова «ибн» со значением «сын») «сын отца сына сына...» Поэтому мы проигнорировали бы этот вариант имени как недостоверный, даже если бы не знали имени настоящего отца Абдуллы (точно так же не мог зваться его отец Ибн Абу Абдуллой, как утверждают некоторые, поскольку это значило бы «сын отца Абдуллы», в результате чего сам аль-Хазраджи оказался бы собственным сыном).

Новый Пророк родился светлокожим и зеленоглазым, поэтому суеверные арабы нередко называли его «сыном джиннов», хотя тут, несомненно, всего лишь сказались персидские гены матери. В поздней (XIX век) биографии «The Whipple Phillips Manuscript», хранившейся, по слухам, в городской библиотеке Провиденса, утверждает, что Абдулла — один из легендарных адитов, таинственных жителей юга полуострова. Поскольку это племя упоминается в Коране как проклятое, автор, по всей видимости, исходил из тёмной славы Пророка Древних, а не из реальных свидетельств. О настоящих его родителях известно очень немного. Отец, Джабир аль-Хазраджи (607-697),

правоверный мусульманин из Иасриба (Медины), известен как один из первых собирателей хадисов — преданий о пророке Мухаммеде. До появления Мухаммеда в Медине Джабир был довольно богатым торговцем и часто путешествовал со своим караваном от Ирана до Египта. Именно грамотность (Джабир был одним из самых образованных людей халифата того времени, хотя злые языки утверждали, что он умеет лишь писать и считать) стала причиной того, что его направили с миссией в просвещённый Нусайбин, где он служил писарем и переводчиком. Он происходил из племени хазраджитов, которые (наряду с другим арабским племенем Иасриба — ауситами) были известны под собирательным названием ансаров (из хазраджитов происходит и бабка Мухаммеда, поэтому можно смело утверждать, что в четвёртом-пятом колене оба пророка — родня). Именно представители этого племени в Коране часто называются «лицемерами», поскольку, в отличие от первых мекканских соратников мусульманского пророка, принятие ислама для них с самого начала стало актом политики, а не веры: они приняли Мухаммеда своим вождём для того, чтобы прекратить междоусобицы между своими племенами, возвыситься над иасрибскими иудеями и, «если будет на то воля Аллаха», покорить соседние земли.

До обращения в новую веру жители Иасриба поклонялись преимущественно двум богиням древнеарабского пантеона, Манат и Уззе, и, дабы ублажить своих новых союзников (а также поклонявшихся Лат мекканцев), Мухаммед на первых порах даже признавал заступничество этих трёх богинь в качестве «дочерей Аллаха». Позднее, набравшись силы и опыта, он отверг эти пережитки «джахильи» (язычества), объявив свои «откровения» о их заступничестве «шайтанскими аятами» и исключив их из Корана. К сожалению, неизвестно доподлинно (не из мусульманских источников, отрицающих сам факт существования этих аятов), когда именно почитание Лат, Манат и Уззы было отвергнуто окончательно. Нельзя сказать наверняка и того, был ли Джабир искренен в своей новой вере (мы полагаем, что был). Однако нам кажется весьма вероятным, что, с детства воспитанный в почитании Манат, он не мог не перенять каких-нибудь особенностей культа этой богини и не прихватить их с собой в монотеистическую свою жизнь, подобно тому, как даже атеисты сегодня украшают свою речь оборотами вроде

«о господи» или «мать божья». Эти «языческие пережитки» отца не могли не оказать влияния на ранние религиозные представления Абдуллы ибн Джабира.

Любопытен один из оставленных нам отцом Безумного Поэта хадисов, в котором Мухаммед говорит: «Когда приходит ночь и наступают сумерки, следите за детьми своими, ибо демоны собираются во время сие. Когда пройдет час, затворите двери и помяните имя Аллаха. Шайтан не отворит запертых дверей». Было бы интересно узнать, в каком именно году Джабир записал это изречение. Вспомнил ли он его после того, как молодой Абдулла отрёкся от «истинной веры», — или, быть может, это было своего рода пророчество, адресованное Мухаммедом лично ему, Джабиру?..

3. Мать Абдуллы

Патриархальная история исламизированного общества не донесла до нас имени матери Абдуллы ибн Джабира (пользуясь арабской системой имяобразования, мы можем условно назвать её Бинт аль-Хасан — дочь Хасана — и Умм Абдулла — мать Абдуллы). О ней известно лишь то, что она была армяно-персидского происхождения (это подтверждает не только последующее бегство Абдуллы в сторону Армении, но и использование им в дальнейшем тридцатисемибуквенной системы для построения своих таблиц соответствий) и исповедовала сабейство. Сабейство, или сабеизм — это гностическое вероучение внехристианского толка, выраженное в поклонении звёздам, обоготворении небесных светил. В древние времена сабеизм был особенно распространён в Вавилоне и Ассирии, позднее — в Аравии, Сирии, Малой Азии. Сабийские храмы служили одновременно обсерваториями. Ещё активнее, чем неподвижным звёздам, сабии поклонялись звёздам блуждающим, которым приписывалось влияние на всё земное, на природу и на людей.

Неотъемлемыми частями сабеизма были магия и астрология. Как можно заметить из текста Аль-Азиф (даже из тех выжимок, которые знакомы читателю по Некрономикону Симона или по существенно домысленным Дональдом Тайсоном «Странствиям Альхазреда»), привнеся значительные новшества в религию своих предков по материнской линии, Абдулла аль-Хазраджи до конца своих дней остался верен духу гностических учений Междуречья (гностицизм вообще гораздо терпимее к внутренним разли-

чиям и толкам, чем традиционные авраамические культы; достаточно сопоставить, например, манихейство или учение Гностической Католической Церкви с единственным сохранившимся до наших дней традиционным течением сабеизма — мандейством, или «христианством Святого Иоанна», — чтобы заметить глубину их различий, не препятствующую их общности).

Позднее сабиями назывались также древнесирийские язычники эллинистической культуры, которые около 830 года приняли название сабиев, чтобы пользоваться среди исламских народов веротерпимостью, которую Коран обещал настоящим сабиям. Они проживали большей частью в Северной Месопотамии (в Гаране, Эдессе, Багдаде, Нусайбине и др.). Религия их есть смешение халдейства, зороастризма, иудейства, христианства, гностицизма, неоплатонизма (черты этих же учений можно найти и в Аль-Азиф).

Сохранившиеся имена высших архонтов, почитаемых единоверцами Умм Абдулла (Наксир, Надур и Нарикс), позволяют предположить средиземноморские корни тамошнего течения гностицизма: Нарикс является топонимом одного из городов Локриды, Надур — Мальты (имя Наксир, к сожалению, нами не обнаружено). По всей видимости, в число священных текстов этой сабийской церкви входило писание под названием Софинером (Сауфенером), наиболее гностичный из ныне известных текстов о Древних, где имена Ктулху, Хастура, Наксир и прочих соседствуют с пророчествами о пришествии Сына Человеческого. Вероятно, в детские же годы познакомился Ибн Джабир и с другими гностическими писаниями: многие мысли, изложенные в его учении, тесно пересекаются с содержанием Книги Еноха, манихейской Книги Исполинов и других апокрифических текстов.

Трудно сказать, была ли Бинт аль-Хасан взята в жёны Джабиром насильно (известно, что на момент замужества ей было около пятнадцати лет, тогда как Джабиру — более тридцати) или же свою роль сыграло хорошее образование аль-Хазраджи-старшего. Так или иначе, она была не первой и не единственной женой мединского писателя, да и муж её, постоянно отсутствующий дома из-за непрекращающихся военных походов (в связи с особой опасностью кампании арабам того времени пришлось отка-

заться от старой традиции, когда жёны и дети воинов следовали обозом позади войска), вряд ли мог уделять сыну (тоже далеко не единственному: даже от этой жены у него были, как минимум, дочь и ещё один сын) много внимания.

Практически заменил Абдулле родного отца Хасан, отец матери, который был лишь немногим старше Джабира. От матери и деда и напитался аль-Хазраджи-младший халдейской мудрости древней Вавилонии, однако оба они происходили из семьи малограмотных пастухов и торговцев, образованный же Джабир не находил времени или желания на обучение сына грамоте (вероятно, к девяти годам он лишь немного умел писать и считать, зато, по всей видимости, аж на трёх родных для него языках: арабском, персидском и армянском, а также подавал надежды как будущий музыкант).

Когда мальчик немного подрос, его определили пасти коз: сперва под присмотром Хасана, затем самостоятельно. Поскольку, согласно Корану, сабии (наряду, как это ни покажется странным, с христианами и иудеями, которые часто полагаются главными врагами ислама, но во времена Мухаммеда были сперва его основными союзниками против язычества) относятся к «тем, кто уверовал в Аллаха и последний день» (что, говоря по чести, не совсем верно, поскольку отдельные сабийские вероучения могут носить и явные черты политеизма, хотя большинство из них — включая трактовку аль-Хазраджи — действительно носит выраженный эсхатологический характер), и потому, с точки зрения правоверных мусульман, представляют собой привилегированную категорию по сравнению с идолопоклонниками, не стоит исключать, что Хасан и его семья не были даже формально обращены в ислам, а сохранили возможность исповедовать религию предков.

4. Падение империи Сасанидов

Тем временем халифат наносит ряд сокрушительных поражений армии Сасанидов, вторгается в Армению, Ливию и Алжир, окончательно покоряет Сирию, Палестину, Киренаику, Кипр и Египет. В Александрии халиф Осман, сменивший Умара, убитого в 644 году персом-христианином, в 646-м даёт повеление полководцу Амру сжечь знаменитую библиотеку, изрядно пострадавшую прежде и от римлян, и от христиан.

Сообщают, что при этом халиф сказал: «Если в этих книгах говорится то, что есть в Коране, то они бесполезны. Если же в них говорится что-нибудь другое, то они вредны. Поэтому и в том, и в другом случае их надо сжечь», — однако некоторые александрийские рукописи упоминаются как уцелевшие вплоть до VIII века. Наконец, в 651 году, государство Сасанидов окончательно переходит под власть халифата. Император Йездегерд бежит в Мерв, где его предательски убивает то ли владелец водяной мельницы, то ли арабский всадник, преследовавший поверженного владыку. Арабы захватывают Мервский оазис и доходят до Амударьи. В разных частях Ирана вспыхивают слабые попытки сопротивления новой власти, но они жестоко подавляются. Безвинно или нет, но под «чистки» попадают и некоторые родственники матери Абдуллы, и, не имея другого выхода, та решается отослать его к родне, проживающей в Армении (по какой-то причине, на данный момент не установленной, она не смогла отправиться в путь вместе с сыном). Это событие, случившееся утром 17 марта 651 года по современному европейскому летоисчислению и называемое нами Бегством, или Исходом (по-арабски «хиджра», как и аналогичное событие в жизни Мухаммеда), и станет поворотным в жизни будущего вероучителя.

Армения в тот период переживала период жестокого кризиса. Часть её обладала ещё некоторой государственной автономией, хотя и испытывала существенное влияние и Персии, и Византии. Прежние наместники Сасанидов (марцпаны) пользовались во многих отношениях неограниченной властью на подчинённых им территориях. Вторгшиеся в Армению арабы назначили собственных наместников, остиканов, византийские же территории управлялись императорскими куропалатами. Кроме того, господствующая на территории Армении монофелитская ветвь христианства, долгое время анафемизируемая Византийской церковью, в 638 году, наконец, получила поддержку со стороны императора Ираклия I, что, однако, не мешало мирному сосуществованию на территории Армении и гностических церквей христианских и внехристианских толков. И в наше время родственные узы на Кавказе зачастую оказываются важнее религиозной принадлежности, потому не стоит удивляться, что внук гностика Хасана армянского происхождения из персидской Бет-Арабае мог рассчитывать на поддержку

родственников не только на прежде персидских, но и на христианизированных византийских территориях Армении.

5. Начало странствий

Согласно тексту Аль-Азиф, юный Ибн Джабир добрался на землю Масис (предгорий Арарата) в начале февраля 652 года. Не стоит удивляться тому, что на дороге между этими не сильно удалёнными друг от друга районами ушёл почти целый год: достаточно вспомнить о возрасте аль-Хазраджи, о примитивных транспортных средствах того времени, о сильной пересечённости местности, а в особенности о том, что это происходило в самый разгар войны. 7 февраля он устроился на ночлег возле древнего святилища, служащего местом поклонения какой-то из сект языческой или гностической направленности, поклонявшейся Древним. Пробудившись за три часа до рассвета (то есть примерно в половину четвёртого) от волчьего воя, он стал свидетелем странного ритуала, произведшего на него неизгладимое впечатление. Поскольку эти события тщательно изложены самим Абдуллой, мы не будем останавливаться на них подробно. В наши задачи не входит и убеждение читателей в абсолютной достоверности той истории, которую рассказывает Безумный Поэт. Напротив, мы полагаем, что малолетство, усталость, недосып, шок от расставания с близкими и от самого ритуала, некая трава, которую, как обмолвился Ибн Джабир за девять дней до своей смерти, он неосторожно бросил в тот вечер в костёр, и семь десятков лет, прошедших с самих событий до момента их записи, могли оказать существенное влияние на ряд подробностей, включая самые сверхъестественные. Однако факт остаётся фактом: происшествие в предгорьях Арарата вызвало у юного аль-Хазраджи некие видения или откровения, которые во многом определили его дальнейшую судьбу.

Покинув место жертвоприношения, Абдулла, следуя наставлениям матери, направляется дальше в Армению. Однако, дойдя до людных мест, он узнаёт, что византийский патриций Пасагнатес сдал Армению арабам. Смысла двигаться дальше нет, опасность, подстерегающая его в Бет-Арабайе, по всей видимости, ещё не миновала, поэтому, ведомый своими юношескими фантазиями о древнем Вавилоне и недавно обрётёнными откровениями, в которых халдейская магия играла не последнюю роль,

аль-Хазраджи поворачивает обратно в Междуречье, но следует не к Нусайбину, а в земли Вавилонии.

Никто не знает доподлинно, с какими — известными и неизвестными ныне — текстами смог ознакомиться Абдулла и каким премудростям научиться. Едва покинув руины Вавилона в возрасте 12 лет, он начал странствовать по бывшим землям Шумера, Вавилонии и Ассирии, посещал руины Ура, Ниппура и других древних городов Месопотамии, предаваясь там медитациям и раздумьям, а быть может, и раскопкам. Пропитание себе он добывал охотой и собирательством, лишь изредка подрабатывая в городах и деревнях Междуречья. От природы быстрый и ловкий, Абдулла порой вызывал местных мальчишек на популярные в тех краях состязания по бегу наперегонки за вознаграждение, неизменно выигрывая и призы, как и уважение сверстников, граничащее с поклонением и суеверным страхом. Большую часть заработанных денег Абдулла тратил на книги и вскоре стал довольно начитанным молодым человеком (по возрасту — ещё почти мальчиком, но в арабском мире совершеннолетие справлялось рано).

6. Первый учитель

Однажды (примерно в 654 году) в руки юному Ибн Джабиру попался перевод шумерской книги «Человек и его бог». Книга настолько потрясла его, что взялся изучать шумерский язык и теорию магии. Слухи об этом донесли и до отца Абдуллы, который отреагировал на них гневным письмом (до нас дошла только одна фраза из него, которую, правда, иногда считают обращённой к учителю Абдуллы: «Не возвращайся в мой дом! Ты не человек! Будь ты проклят, и да не найдёшь ты себе дома ни на земле, ни на небе!»; возможно, в этом же письме впервые появляется процитированная выше реплика о детях и Шайтане), оставленным, впрочем, Абдуллой без внимания. Самообразование давалась ему нелегко, но примерно в 13 лет он познакомился с легендарным сарацинским колдуном Йак-Тообой (Яктхубом), своим первым учителем (в других источниках иногда указывают имя Азиф, намекая тем самым на источник знаний, лёгших в основу главного магического трактата аль-Хазраджи), хорошо знавшим несколько языков и историю Междуречья.

В некоторых не вполне достоверных преданиях рассказывается такая история. За год Йак-Тооба будто бы вызвался научить Абдуллу всему тому, что тот упустил за три года своих скитаний. Для этого он прибег к помощи Цхара, одного из Древних и своего демона покровителя — или, выражаясь терминами Телемы, Священного Ангела-Хранителя, — которого знал под шумерским именем Пазузу. Цхар обещал помочь, но не сказал, как. Через некоторое время Абдулла вернулся с состязаний по бегу побитым. На вопросы учителя он ответил: «Я больше не выигрываю, я всё время последний!» А ещё спустя несколько дней у Абдуллы отказали ноги. Передвигаться он мог теперь только с помощью костылей. Тогда Йак-Тооба снова обратился к Пазузу и попросил излечить Абдуллу. Однако Пазузу упрекнул учителя в непоследовательности и исчез, не сказав больше ни слова. Ошеломлённый этим заявлением, Йак-Тооба, наконец, понял, что это была за болезнь. Конечно, никакие медицинские светила того времени помочь были не в силах, даже если бы и взялись помогать бродяге, зато теперь Абдулла мог всё своё время уделять обучению и за очень короткий срок не только наверстал упущенное, но и смог перевести на арабский имевшиеся у Йак-Тообы списки древне-вавилонских Табличек Маклу, Книги Земли Маганской и некоторых других, позднее включённых в Аль-Азиф в качестве приложений.

Болезнь оставила Абдуллу только к шестнадцати годам. К тому времени в его уединённое жилище приходили знатные и учёные люди послушать и поговорить с ним, спросить совета. Подарки, которые подносили люди в знак благодарности за оказанную помощь, становились всё весомее и дороже. За три года обучения Абдулла очень сблизился со своим учителем и полюбил его (здесь могла иметь место и плотская связь, обычная между взрослыми учителями и подростками-учениками в то время и в тех краях). Когда Йак-Тооба, не сказав ни слова, покинул его, юноша дал себе строгие обеты воздержания от половой жизни и обитания в человеческих жилищах (когда и по каким причинам он снял с себя эти обеты, не установлено, но уже в Йемене он обзавёлся и жильём, и женой). Покидая Вавилонию почти через семь лет после своего появления там, он был уже совсем другим человеком: возмужавшим, возросшим в мудро-

сти... и заметно одичавшим. «Други детства отвернулись от меня [после этого], а я от них», — пишет об этом периоде своей жизни сам Пророк.

Оставив древние руины около 658-659 года, в семнадцать лет, он через Мосул (древняя Ниневия) направился в Бет-Арабае, чтобы повидаться со своей семьёй, но там выяснил, что его мать, дед, братья и сёстры погибли при невыясненных обстоятельствах (согласно «официальной версии», покончили с собой), дом разрушен, стада пали, истреблены или угнаны. Никто из земляков не смог объяснить ему причины этой трагедии, и до скончания своих дней аль-Хазраджи был уверен, что тому виной проклятие Древних. Возможно, он был прав... но даже если так (хотя на что им было это нужно? и не благословен ли Пророк их, Абдулла аль-Хазраджи?..), не руками ли оккупационных властей Месопотамии свершилось это проклятие?..

7. Муавия ибн Абу Суфьян

Незадолго до завершения первого отшельничества Ибн Джабира (в 656-м) в исламском мире происходит серьёзная междоусобица. Группы шиитов во главе с Али ибн Абу Талибом прибывают в Мекку. Племянник Османа Мерван из рода Омейядов приказывает схватить вождей восставших, однако шииты осаждают дом халифа и убивают его, а Али становится последним из четырёх т. н. «праведных халифов» (которого, по понятным причинам, по сей день признают таковым только шииты, но не сунниты). В декабре того же года между армией халифа Али и отрядами мятежников, возглавляемых Тальхой и аз-Зубайром, происходит сражение, известное как Битва верблюда. Вдохновительницей мятежа была Айша — дочь халифа Абу Бекра и любимая жена Мухаммеда. В результате сражения сторонники Айши потерпели поражение, а сама Айша под стражей была доставлена в Мекку, где впоследствии умерла.

На следующий год состоялась знаменитая Сиффинская битва — сражение между армиями Али и мятежной армией сирийского губернатора Муавии. Битва складывалась неудачно для мятежников, и тогда Муавия решил применить хитрость, в полной мере демонстрирующую его находчивость и недогматичность: он приказал своим солдатам приколоть к копьям свитки Корана. Тогда набожный халиф приказал остановить битву. Муавия сохранил свою армию, а в стане Али начался раскол: часть солдат (12 тысяч)

возмутилась его нерешительностью и покинула лагерь — их стали называть хариджитами. Они выбрали из своей среды себе халифа Абдуллы ибн Вахба и позднее выступали как против суннитов, так и против шиитов. В 659 году Муавия без согласия халифа Али заключает сепаратный мир с Византией, а в 660-м вторгается в Ирак. Поскольку именно здесь, в Басре, произошла историческая встреча будущего халифа Муавии ибн Абу Суфьяна и будущего вероучителя Абдуллы ибн Джабира, ведомого поисками легендарного Ирема и гонимого неблагоприятной политической обстановкой в стране, здесь следует сказать ещё пару слов об этой в высшей степени выдающейся личности.

Муавия ибн Абу Суфьян родился за 20 лет до Хиджры. Будучи сыном главы общины, ко времени начала проповеди ислама он являлся одним из четырнадцати курайшитов, которые умели писать. Как и в случае с аль-Хазраджи-старшим, знание письма ставило его в привилегированное положение. Писцы становились важными государственными чиновниками, предводителями племён и даже рода. Муавия был одним из самых известных писцов Корана, одним из десяти сподвижников, которые записывали откровения из уст Мухаммеда и многое другое, что приказывал ему пророк, до последних дней жизни посланника Аллаха. После смерти пророка Муавия обнаружил хадисы его сподвижников, среди которых был и отец Абдуллы. Ведя постоянные войны с византийцами, Муавия часто писал халифу прошения о создании мусульманского флота, но Умар не давал ему согласия. Постройка военных кораблей началась только при Османе, который наотрез отказался Муавии заставлять людей участвовать в сражении на море.

Интересно при этом, что вообще кораблестроение и мореплавание было развито у арабов с давних времён. Как отмечает видный советский исламовед О. И. Климович в своей «Книге о Коране», «ещё в доисламское время арабские мореплаватели предпринимали далёкие плавания» и были хорошо известны «по всему восточному побережью Африки и на прилегающих островах, а также по побережьям Персидского залива, Ирана, Индии, Цейлона, вплоть до Китая» (около 300 года н. э. арабы образовали торговую колонию в Гуанчжоу). Тогда же они вели морскую торговлю через Цейлон с Суматрой, Индонезией. Несомненно, кроме обмена материальными ценностями, это привело и к

обширному культурному обмену: в разных уголках халифата уже в ранние периоды его существования можно было найти отголоски преданий и легенд практически со всего Старого Света (что в дальнейшем, разумеется, могло повлиять на формирование картины мира Ибн Джабира).

Несомненную пользу от создания сильного флота и развития морских путей видел и проницательный Муавия. Именно благодаря его таланту к халифату был присоединён Кипр. В 651 году состоялось первое крупное морское сражение между мусульманским и византийским флотами, и, несмотря на численное превосходство, византийцы были разгромлены. Авторитет Муавии рос с каждым новым завоеванием. Благоразумный политик, он старался не обзаводиться лишними врагами и был сдержан даже с явными недоброжелателями. Он обладал даром выбирать людей, на которых можно опереться. Таковы были важнейшие причины устойчивости его положения. Известно, что он пользовался авторитетом не только у мусульман, но и у представителей других религий. Приводится история о том, что на диспуте маронитов (восточной католической церкви) с яковитским (монофизитским) патриархом Феодором в июне 658-го Муавия выступал в качестве арбитра.

8. Благословение рода Омейядов

Мусульманские историки аббасидского периода халифата позаботились о том, чтобы эта страница биографии первого халифа Омейядов была навсегда изъята из анналов. Однако стараниями сирийского епископа Севери Себохта, математика и астронома, жившего в ту пору в монастыре Кенешре в Северном Междуречье (таким образом — земляка аль-Хазраджи), знакомого с Муавией по означенному диспуту и подарившего человечеству астролябию и понятие о нуле, предания об этом событии сохранились (отчасти изустно, отчасти — в хранимых жрецами Армии Р'льеха рукописях) до наших дней. К сожалению, подробностей известно мало, но обрывочные сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, и дальнейшая история халифата даёт основания полагать, что два учёных мужа легко смогли найти общий язык. Чуждые догматичности, они, несмотря на разницу в возрасте и вероисповедании, признали друг в друге ровню. От Муавии Абдулла узнал, что его отец жив (аль-Хазраджи-старший умер аж в 697 году,

прожив те же 90 лет, что позднее — его сын), но не пожелал с ним встречаться. Кроме того, поражённый глубиной поэзии юного сабия и лично знавший Мухаммеда Муавия легко распознал в аль-Хазраджи нового Пророка и испросил его благословения, которое и было получено. Согласно благословию Ибн Джабира, данному Муавии и всему роду Абу Суфьяна, Омейядам полагалось стать царями над арабским народом (действительно, до Муавии халифы избирались общиной, начиная же с его сына Язида халифат сделался монархическим государством) до тех пор, пока «поклоняющимся чрез образы и подобия» (так аль-Хазраджи обозначил сабиев, поскольку изобразительное искусство и скульптура, равно как и образы Божественного в живой и неживой природе, играют существенную роль в халдейском служении) позволено беспрепятственно нести свою веру в землях халифов. Более полувека спустя благословение аль-Хазраджи обернулось проклятием для нарушивших этот завет Омейядов (к этому вопросу мы ещё вернёмся в свой черёд), однако образованный и веротерпимый Муавия не видел ничего невозможного в соблюдении этого нехитрого требования. Несмотря на то, что беседа двух великих представителей эпохи длилась около трёх часов, больше о её содержании, увы, ничего не известно. Но не от Муавии ли узнал аль-Хазраджи некоторые подробности об Иреме, не вошедшие в канонический текст Корана? И не мудрыми ли советами Абдуллы можно объяснить дальнейшие успехи будущего халифа?..

В тот же год в Армении вспыхивает антиарабское восстание, спровоцированное агентами Муавии для ослабления сил Али. На следующий год хариджиты (тоже, по видимому, не без поддержки или пассивного соучастия со стороны этого талантливого политика) убивают Али ибн Абу Талиба. Халифат на короткое время возглавляет его сын Хасан, после чего Муавия с одобрения большинства авторитетных представителей общины берёт власть в свои руки, переносит столицу в Дамаск, где он столько времени занимал пост губернатора, и приступает к осуществлению своей давней задумки — строительству флота в сирийских портах.

9. Руб аль-Хали

Примерно в это же время Абдулла аль-Хазраджи достигает великой пустыни Руб аль-Хали, где, согласно легендам, должен был находиться Тысячеколонный Ирем, го-

род погибшего народа адитов, известный также как Убар (руины которого на территории современного Омана действительно обнаружила в 90-х годах XX века экспедиция Николаса Клеппа). Говорили, это пустыня эта полна невиданных и таинственных чудес, и мало кто возвращался оттуда (что легко объяснить жестокими климатическими условиями и обитавшими там бандитствующими группировками бедуинов). На краю пустыни, где Ибн Джабир пребывал в медитациях и посте, его посетили голоса и видения, в результате которых, необъяснимым образом пробыв длительное время в пустыне (по всей видимости, без воды, пищи и крыши над головой), он, согласно тексту Аль-Азиф, обрёл способности, которые суеверный человек не мог бы назвать никак иначе, чем сверхъестественными: феноменальную лёгкость в усвоении незнакомых наречий, расшифровке неведомых алфавитов и даже понимании языков животных. Можно верить или не верить приведённой в этой книге информации, но совсем нетрудно допустить, что такая или подобная способность могла обнаружиться у человека, долгие годы учившегося управлять своим разумом. Вряд ли он мог понять чужой язык, едва услышав или увидев незнакомые слова; но длительные тренировки психики вкупе в вызванным долгими медитациями и аскезами инсайтом вполне могли позволить учиться чужим наречиям гораздо успешнее, нежели сумел бы человек неподготовленный. Что же касается языков животных, то, судя по дальнейшему повествованию Аль-Азиф, речь идёт о способности учиться мудрости благодаря наблюдениям за повадками всевозможных тварей, и в такой трактовке это умение воспринимается уже вполне естественным.

Всё глубже погружался молодой Пророк в Красную пустыню, всё дольше проводил там своё время, пока, наконец, следы его не потерялись на долгие годы. Знавшие его говорили, что он погиб или его похитили джинны. Об этом периоде жизни Ибн Джабира (примерно с 660 по 669 годы) мы можем судить только на основании скурых слов в Аль-Азиф и собственных догадок.

По рассказам Абдуллы, ближе к концу своих странствий по пустыне (выживать в которой он научился благодаря наблюдению за повадками пустынных животных) он обнаружил Ирем, град тысячи столпов, где долгое время изучал древние тексты. Ману-

скрипт Чендлера соотносит Ибн Джабира с Абдуллой ибн Килаба, йеменским бедуином, который, согласно «Муджам аль-Булдан» Йакута ал-Хамави (1179-1229) и «Мурдж аль-Дахаб» Абу аль-Хасана аль-Масуди (896-956), видел Ирем, но сопоставление это возникло намного позже смерти аль-Хазраджи и весьма маловероятно. Предания о таинственном Иреме являются неотъемлемой частью арабского эпоса и имеют много общего с индийскими сказаниями о Шамбале или древнерусскими былинами о Беловодье. Древние арабы полагали, что Ирем, или Град Столпов, был возведён по приказанию шаха Шаддата могущественными джиннами, причём сам город находился не в нашем мире, а в одном из параллельных измерений реальности, поэтому попасть туда мог только маг, в совершенстве овладевший своим искусством, или святой. Легенды гласят, что Аллах уничтожил всех подданных Шаддата — гигантов-нефилимов — за их гордыню. Но сокровенные знания, которыми они обладали, сохранились в рукописях и книгах в библиотеках призрачного Ирема. Раскопки Убара не обнаружили ничего, что можно было бы принять за колонны Ирема и его таинственные подземелья, поэтому можно с высокой долей уверенности утверждать, что, добравшись до Убара, аль-Хазраджи был снова настигнут видениями, в которых реальное мешалось с фантазиями (впрочем, есть также версия, что слово, традиционно переводимое как «столпы», на самом деле значит «исполины», «нефилим»).

Арабские волшебники (мукаррибы) полагали, что Град Столпов является дверью в Великую Пустоту — обиталище джиннов и ифритов (своего рода каббалистическую Бездну, проходящую через незримую сферу Даат, обиталище Хоронзона), и входили туда в изменённых состояниях сознания. Для этого они использовали три метода: употребляли особые наркотические вещества, овладевали осознанными сновидениями и практиковали полное отсутствие мыслей. Там, в этом мистическом пространстве, они общались с обитателями Пустоты и постигали искусство фаны — высшего достижения в суфийском и магрибском мистицизме, во время которого мукарриб сбрасывал с себя оковы материи и поглощался Пустотой. Далее, с помощью определённых тайных техник, он выходил за пределы Пустоты и обретал невероятную власть над существами обеих реальностей — над людьми и над джиннами. Так или иначе, именно здесь окон-

чительно формируются религиозные и философские взгляды Абдуллы на возникновение мира, природу Древних и грядущую эсхатологическую катастрофу, поскольку уже в Йемене, в Сане, куда отправился он после скитаний по пустыне, он приобрёл своё прозвище Меджнун (Безумец) и написал свой первый труд, известный как Книга Джиннов и лёгший позднее в основу Аль-Азиф. К этому же периоду относятся эксперименты Ибн Джабира с психоделическими веществами, а также его самые знаменитые стихотворные строки: «То не мертво, что спит: порою даже смерть // В безумии веков способна умереть».

Говорят, Книга Джиннов, написанная Ибн Джабиром (которому некоторые источники приписывают в общей сложности 12 оккультных трудов, не считая писем, рассказов и стихов, первая антология которых сделана предположительно в XI веке), была передана им позднее Абу Саиду ибн Абдулле Хасану Ясару аль-Басри, исламскому богослову из Медины, ровеснику Абдуллы, сыну служанки одной из жён Мухаммеда и основателю суфизма, с которым аль-Хазраджи встретился много лет позднее, в 721 году, в Басре, и от которого получил свой лакаб (прозвище) Захр-ад-дин, Цветок Веры. Через него, согласно преданиям, книга попала в руки суфиев и оберегается ими по сей день. Аль-Басри проповедовал брэнность жизни и аскетизм, что хорошо сочеталось и со взглядами великого сабия. Когда правителем Ирака стал аль-Хаджадж, аль-Басри принял участие в организованной последним работе по снабжению букв в тексте Корана диакритическими значками. Говорят также, что Книгой Джиннов обладал известный алжирский маг и астролог аль-Буни, использовавший материалы из неё в своём трактате «Солнце великих знаний». Существует также мнение, что отрывки из Книги Джиннов, вошедшие позднее в Аль-Азиф, были переведены Джоном Ди под названием *Grimoïrum Imperium*, однако никакими данными, подтверждающими или опровергающими эти версии, мы пока не располагаем. Также в качестве фрагментов Книги Джиннов называют такие работы аль-Хазраджи как «Легенда о Гуле» и «Грёзы Чёрного Лотоса», хотя, возможно, они были написаны значительно позже, в первые десятилетия VIII в.

10. Жизнь в Йемене

Примерно в 670 году Абдулла появляется в Сане (Йемен). Для современников — а, быть может, и для него самого — возвращение после десятилетних скитаний по пустыне было равносильно воскресению из мёртвых или второму рождению, поэтому все йеменские источники единодушно указывают этот год в качестве года рождения «Безумного Поэта из Саны» (вкуче с «безвозрастной» внешностью аль-Хазраджи это не могло не сказаться на путанице с определением истинного года его рождения). Вероятно, каким-то образом это странствие исполнило данные Ибн Джабиром в молодости обеты: поселившись в Йемене, он не только обзавёлся домом и последователями, но и вступил в близкие отношения с женщиной, имени которой (как и имени его матери, и имени его дочери) история тоже не сохранила, по тем же патриархальным причинам. Сохранились предания, что его возлюбленная была царских кровей и, вероятно, вела свой род от Сайфа Зу Язана, последнего еврейского царя Йемена, покорившего эти земли в 575-576 годах. Предания снабжают эту романтическую историю множеством совершенно неправдоподобных подробностей. В частности, упоминается, что Абдулле было тогда 15 лет, при том что свой пятнадцатый день рождения он справил среди руин Вавилонии; говорится, что аль-Хазраджи жил при дворе царя Йемена, при том что со смерти Сайфа в конце VI века там правили Сасанидские наместники, а с тридцатых годов VII-го — имамы халифата; упоминается также, что за эту связь Ибн Джабиру «отрезали половой член, нос, уши и исполосовали шрамами его щёки, заставили наблюдать, как сжигают на костре незаконный плод его союза с принцессой, и принудили съесть от плоти трупа младенца, после чего увезли его на восток, в Руб аль-Хали, где оставили без воды умирать», — но, как известно, в Руб аль-Хали он был прежде, чем в Йемене, и с половыми органами у него тоже было всё в порядке, судя по тому, что именно в Йемене, незадолго до его отъезда из этой страны, у него появилась дочь. Точно так же не мог аль-Хазраджи быть учеником знаменитого астронома аль-Бируни, как свидетельствует о том другое предание: во-первых, Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни никогда не жил в Йемене, во-вторых, он родился через два с половиной века после смерти Ибн Джабира.

Абдулла прожил в Сане около двадцати лет, приобретя за это время славу как «безумный араб» (или «безумный поэт») из Йемена, хотя не был ни уроженцем этой страны, ни чистокровным арабом, ни безумцем в психиатрическом смысле этого слова: при том, что зачастую он действительно вёл себя довольно эксцентрично, доказательствами, подтверждающими его настоящее умопомешательство, мы не располагаем, за исключением разве что его хронической неспособности выдерживать нить повествования на протяжении нескольких абзацев, не сбиваясь на другие темы (порою, судя по тексту Аль-Азиф, он даже не может сам разобраться, страшиться ли ему прихода Древних или, напротив, ждать его с радостным нетерпением).

Некоторые историки полагают, что в Сане аль-Хазраджи познакомился с трудами неоплатоника Прокла Диадоха (412-485), который прекрасно ориентировался в астрономии, математике, философии и метафизике, но был при этом будто бы также достаточно искущён в магических техниках теургии, чтобы вызвать зримое явление богини Гекаты, и, кроме того, был посвящён в египетские и халдейские мистерии. К йеменскому же периоду жизни Абдуллы, по всей видимости, относятся выполненные им переводы на арабский древних текстов, обнаруженных им в Иреме, на которые он позднее ссылается в Аль-Азиф: Свитков священной лжи, Книги Ивоны, Скрижалей Цантху и т. д. (сохранившиеся фрагменты некоторых из них будут опубликованы в следующем номере «Апокрифа»). Отдельные исследователи полагают, что какие-то или даже все из этих книг написаны самим аль-Хазраджи, однако существенно отличная стилистика, а местами и заметно иное видение мира заставляют нас усомниться в такой точке зрения. Эти книги оказали существенное влияние на его мировоззрение: отдельные, порою весьма вольно истолкованные, выдержки из них легли позднее в основу отдельных фрагментов Аль-Азиф.

Причина отбытия Ибн Джабира из Йемена вскоре после рождения дочери тоже достоверно не установлена. Быть может, он понял, что его предназначение — в странствиях, и пора снова отправляться в путь; или причиной стали какие-то социально-политические обстоятельства, на которые были богаты эти годы (так, за время пребывания аль-Хазраджи в Сане перемирие с Византией нарушается, империя лишается Ту-

ниса, Алжира и Смирны, Кавказская Албания также присоединяется к халифату, в Дамаске сменяется три халифа из рода Омейядов, изобретается и успешно применяется против флота халифата «греческий огонь», шииты терпят очередное поражение от суннитов, Армения, Ивирия, Албания, Вулкания и Мидия вновь отходят к Византии, монофелитство снова признаётся ересью и предаётся анафеме, а в Риме меняется один папа за другим); или же очередное откровение призвало его направляться в Египет. Так или иначе, после более чем двадцати лет безбедной жизни в Йемене он оставляет свою малолетнюю дочь в Сане и отправляется в новое путешествие.

11. Культ

Как утверждает доктор Генри Эрмитаж, аль-Хазраджи покинул Сану и в феврале 687 года присоединился к каравану, следующему на хадж, а спустя несколько недель прибыл в Мекку. Мы не можем согласиться с такой датировкой. Действительно, караванный путь от Саны до Мекки (при учёте расстояния более 800 километров и средней скорости каравана 40-50 километров в день, с одной днёвкой в неделю) составляет около 4-5 недель (что соотносится с «несколькими неделями», приведёнными Эрмитажем). Однако в 687 году хадж (7 зуль-хиджжа 67 года по Хиджре) приходится на июнь, и даже от последних чисел февраля (хоть по юлианскому, хоть по ещё не существовавшему в то время григорианскому календарю) до него почти четыре месяца. Даже учитывая поправку на непредвиденные сложности пути и полагая, что Ибн Джабир мог прибыть в Святой Город за некоторое разумное время до начала обрядов, мы не можем подразумевать под «несколькими» более восьми-десяти недель, иначе счёт в летописи шёл бы уже на месяцы. Отталкиваясь от сдвига времени хаджа относительно европейского календаря, мы путём несложных вычислений находим, что описанные события могли иметь место только в период с 691 (если Пророк покинул Сану в конце февраля по юлианскому календарю и до начала обрядов оставалось 10 недель) по 698 год (если он отправился в путь в начале февраля и успел в Мекку за 4 недели). Используя косвенные свидетельства, мы можем с высокой долей уверенности утверждать, что хадж Ибн Джабира состоялся между 693 и 695 годом, что не только приходится на середину математически вероятного периода, но и отстоит на 6-8 лет от указанной Эрмитажем да-

ты. Как можно заметить, именно такое расхождение между исламским и европейским календарями накапливается ко второй половине IX — первой половине X века, то есть ко времени первого греческого перевода Аль-Азиф (о чём будет ещё сказано во второй части этого исследования).

Достигнув Мекки и совершив все положенные по канону ритуалы, Ибн Джабир неожиданно открывает мусульманскому миру своё истинное отношение к ортодоксальному исламу. Как утверждают мусульманские источники со ссылкой на не сохранившиеся до наших дней фрагменты Аль-Азиф, в него «вселяется джинн, призванный тайным Орденом», и он читает похабные стишки собственного сочинения возле Каабы, которую публично именуется «Камнем-Крокодилом» и «святыней джиннов», за что его чуть было не побивают камнями, но кто-то из мединских родственников признаёт его и заступает за него как за одержимого, меджнуна (позднее он использует это слово применительно к себе сначала в беседе с Хасаном аль-Басри, от которого оно перешло в суфийскую традицию вместе с некоторыми аскезами и медитациями, впервые применёнными Ибн Джабиром, а затем и в Аль-Азиф). Затем он проходит через Медину, где окончательно порывает отношения со своим престарелым отцом, и через Петру, где публично поклоняется Древним на месте древнего святилища Манат. Вероятно, именно в связи с этим событием Абуль-Мунзир Хишам ибн Мухаммед ибн ас-Са'иб аль-Калби в «Трактате об идолах» приводит следующую фразу: «Я поклялся правдивой и верной клятвой Манат у места аль-Хазраджи». Однако сам аль-Калби не мог быть знаком с Абдуллой, а вот отец его, Мухаммед ибн ас-Са'иб аль-Калби (умер в 763 году) был известным знатоком генеалогии, хадисов (как и аль-Хазраджи-старший) и одним из первых авторов толкований Корана, и именно на своего отца часто ссылается в своих трудах Хишам. В некоторых источниках (Pre-Islamic Deities. Mesopotamia // Cambridge University Press: 1908) упоминается также письмо Мухаммеда аль-Калби своему сыну, в котором тот говорит о некоем затворнике, очень богатом и мудром человеке по имени Абдулла, у которого он гостил 40 дней и «кто научил меня понимать знаки священного места аль-Хазраджи».

Покинув Петру, Абдулла достигает Иерусалима, где становится свидетелем (или участником) неудачного магического эксперимента своего йеменского ученика Ибн Марута, завершившегося смертью последнего. После этого он проходит Синай и (примерно через год после хаджа) добирается до Египта, где, миновав Бубастис (Пер-Бастет), останавливается в Александрии, в доме некоего Кефнеса, от которого узнаёт некоторые тайны магического ремесла, а также, возможно, получает доступ к каким-то из рукописей, уцелевших после гибели Александрийской библиотеки. Некий мусульманин приглашает его в качестве заклинателя, дабы «очистить Чёрную Мечеть от её зла», но дело оканчивается скандалом. Здесь Ибн Джабир вновь встречается с Йак-Тообой, который возглавлял в то время группу суфийских мистиков (или их предшественников: первый подобный культ был зафиксирован только в VIII веке), и тот привлекает своего старого ученика к магической и мистической работе. Возможно, это был еретический гностический культ, но записи аль-Хазраджи позволяют предположить, что, несмотря на недоверие к учению Мухаммеда, в основе его мировоззрения всё же лежал ислам (или, точнее, какая-то ветвь ханифизма).

Спустя два года после встречи с Ибн Джабиром Йак-Тооба погибает, убитый неизвестными. За два года, прошедших после его смерти, Абдулла многое узнаёт о ритуальной магии (включая искусство некромантии в исконном значении этого слова — то есть гадания с помощью тел и душ умерших) и управлении Культом. Пережив серьёзную битву за власть со своим названным братом Ибн Газулом, обвинявшим (возможно, справедливо) Ибн Джабира в смерти учителя, он смог стать новым лидером Ордена. Мучимый кошмарами из-за убийства брата (к которому, несмотря на разногласия, испытывал искреннее уважение и симпатию), он вместе с остальными культистами путешествует по Египту, посетив Гизу, Фивы и другие города, пока, наконец, не останавливается на долгих пять лет в подземных пещерах Мемфиса, после чего объявляет о начале экспансивной политики Кulta (сам Ибн Джабир утверждал, что подобные указания были даны ему джинном из катакомб Мемфиса, но возможно, им руководило лишь желание вернуться на родину). Во время одного из таких путешествий к руинам Вавилона таинственным образом исчезли некоторые из членов общины, что также было припи-

сано сверхъестественным силам, но могло иметь куда более прозаичное объяснение (например, устранение нежелательных конкурентов и несогласных с его политикой культистов). Через несколько лет Йак-Тооба якобы явился Абдулле и во сне попросил у него прощения (за что — не совсем ясно). Он сказал: «Я умер, как пёс бездомный, с тяжёлой раной на сердце. Книга, которую я хотел написать, так и не была написана. Не суди меня, Абдулла. Взамен я дам тебе все знания, которыми обладаю. Ты будешь моим пером». Позднее (как иногда утверждают — в каждый 12-й день месяца) он рассказывал Абдулле то, что знал, а утром Абдулла это записывал. Эти записи в значительной части и легли позднее в основу Аль-Азиф.

По возвращении в Александрию следы аль-Хазраджи в очередной раз теряются. Нам неизвестно, был ли он в других городах и странах Африки — например, в христианской Эфиопии, или, скажем, в древнем Бенине (некоторые историки даже уверяют, что именно в это время, а не сорока годами раньше, Пророк скитался по Руб аль-Хали и видел Ирем либо некий «Безымянный город» — который, судя по сравнению списков Аль-Азиф, также сопоставим с Иремом, — но это очередные хронологические смещения). По всей видимости, он оставляет руководство Культом и добирается до Ифрикии (нынешняя территория Туниса), поскольку в преданиях говорится, что некоторое время аль-Хазраджи провёл на пиратских судах (хотя и не уточняется, в какой роли: воина или шута, советника или писаря, раба или переводчика, мага или знахаря), а именно там, в бывших финикийских, ныне халифатских владениях находилась главная база средиземноморских пиратов VII-VIII веков. По-видимому, об этом же периоде своей жизни вскользь упоминается в последней книге Аль-Азиф: «Странствуя от острова до острова, слышал я много историй старины и знаний забытых» (отдельно в этом же фрагменте упомянут Крит). Поминаются в записках аль-Хазраджи и Рим, и Константинополь, и «дебри Африки», и даже «остров бриттов», однако нет никакой уверенности в том, что Абдулла сам побывал в этих местах: скорее всего, он просто руководствовался чужими рассказами об этих землях.

12. Путь на восток

Вернувшись из Африки, аль-Хазраджи вновь направляется в Сану, где (согласно биографам IX века аль-Табири и Абд аль-Джаббару) ненадолго становится во главе «Культы Антихриста» (Ши'а аль-Даджалъ). В это время он пишет рассказ «Аль-Джейдах» («Кара»). Как и стихи, рассказ был утерян, но сохранилось детальное описание его структуры: он состоял из 666 строк и 77 предложений, включая 2100 слов. История повествует о семи героях в трёх действиях и десяти явлениях (отдельных событиях). Некоторые соотносят его с произведениями Омара Хайяма, «Озимандиасом» Шелли и работами Кроули. Вдохновлённый (или истощённый) этим творческим порывом, Альхазред в очередной раз покидает цивилизацию, отправляясь в 710 году в самое дальнее и загадочное своё странствие на восток.

Подробный маршрут этого путешествия неизвестен, равно как и то, чем именно занимался он в своём путешествии. Одной из целей — но вряд ли единственной или даже основной — мог стать сбор трав, используемых им в магических экспериментах, поскольку фитогеография Аль-Азиф весьма широка (отдельные упомянутые в тексте травы произрастают аж в Юго-Восточной Азии, однако, без сомнения, он мог приобрести их и гораздо ближе к землям халифата), хотя бо́льшая часть ингредиентов произрастает, как можно заметить, на территории Ирака. Значительную часть пути он продвигает вместе с победоносными походами армии халифата. Принадлежал ли он к этой армии официально, неизвестно, однако, по всей видимости, он пользовался уважением в среде арабской аристократии. К этому периоду относятся его стихи «Песнь моего сердца» и «Поэмы для принца». К сожалению, о судьбе других его произведений ничего не известно, хотя современные ему источники упоминают циклы любовных стихотворений, а позже — циклы од. В средние века существовало мнение, что многие поздние стихотворения имели двойной смысл, но он так и не был раскрыт (хотя позднее, возможно, образ аль-Хазраджи и его газели повлияли на образ Абдуллы аль-Хаджи аль-Кахара в творчестве Алистера Кроули и на приписываемую ему непристойную поэму «Багх-и-Муаттар»). При арабском дворе никто об этом не подозревал, и не упоминалось более о его деятельности в качестве мага или заклинателя, разве что песни оказывали

гипнотическое влияние на слушателей и, как утверждал Каиф Бакар-Шах (685-756), «сияние его светильника являло глазам халифа видения прекрасные и чудесные» (то ли у аль-Хазраджи была некая «волшебная лампа», то ли это лишь поэтическое изображение живой силы его стихов, то ли «безумный араб» использовал наркотические растения, сжигая их в этой самой лампе и вызывая галлюцинации у зрителей). Но за всё время путешествия с армией халифа никаких скандалов, связанных с тёмными культами, не возникало.

Посетив Шираз, он вместе с зороастрийскими беженцами следует в Западную Индию, в сторону нынешнего Гуджарата. Повернув на север, он, согласно одному из его биографов, ссылающихся на курдского историка XIII века Ибн Халикана, достигает Пенджаба. Следуя его логике посещения святынь всевозможных религий (Вавилон, Гиза, Мекка, Петра, Синай, Иерусалим, Шираз), можно предположить, что, странствуя по Индии, он мог навестить также в Патну (район в Северной Индии, связанный одновременно с историей возникновения буддизма и джайнизма) и какие-то из многочисленных святых мест индуизма, но, как бы мы этого ни хотели, пока что мы не располагаем никакими данными на этот счёт, поэтому не считаем уместным плодить домыслы о такой и без того полуполюгендарной личности, как Абдулла ибн Джабир ибн Абдулла ибн Амр аль-Хазраджи аль-Ансари.

Судя по упомянутому в первой книге Аль-Азиф имени самодийского божества Нгуо, Ибн Джабир дошёл аж до Южной Сибири, на что указывают следующие слова: «Подымал я полчища супротив земель востока... и, творя сие, познал я Нгуо, бога неверных», — однако подробностей этой истории (кроме того, что «поднятые полчища» он называл «племенем Безымянных») нам неизвестно. Возможно, он доходит также до недавно перешедшей к Хазарскому каганату территории, на которой расположен географический антипод Р'льеха (47°9' с.ш. 51°26' в.д. или 49°51' с.ш. 53°17' в.д.). Чуть позднее (около 719 года) Ибн Джабир посещает «Долину Гробниц», расположение которой неизвестно (судя по датировкам — в восточной части бывшей империи Сасанидов), и встречает там халдея Шарру-кина (Саргона), ставшего последним звеном в цепи его обучения некромантии (по некоторым сведениям, первая встреча Ибн Джабира и

Шарру-кина произошла гораздо раньше, ещё во времена жизни «безумного араба» в Йемене), а когда учитель скоростижно умирает, продолжает путь в родные земли.

В Самарканде или в Бухаре, следуя по Великому Шёлковому пути обратно в Персию, аль-Хазраджи встретился с беженцем из Тибета, «безумным ламой» Идаком Янгом (имя это значит примерно «Голос Голодных Духов», что, наряду с сохранившимся благодаря аль-Хазраджи отрывком из его трудов, даёт веские основания полагать, что он получал свои откровения из того же источника, что Ибн Джабир). Здесь стоит также отметить, что зародившийся в середине VII века тибетский буддизм, ещё не окончательно оформившийся и укрепившийся среди обитателей нагорья, в этот период — с 650 по 740 год — переживал серьёзный кризис после смерти Сонгцена Гампо, царя Тибета, принёсшего туда учение Гаутамы, поэтому появление «безумных» беженцев из этой страны было явлением довольно закономерным. Посетил ли Тибет сам Ибн Джабир, неизвестно, однако некоторые исследователи высказывают мнение, что именно Тибет вдохновил его на создание образа Ленга.

13. Джабир аль-Азди

Возвращаясь в конце 720 года в Персию через Тус (провинция Хорасан), «безумный араб» узнаёт, что здесь проживает его дочь, вышедшая замуж за йеменского аптекаря Хайяна аль-Азди (надо заметить, что слово «аптекарь» в те времена несло несколько иной оттенок, чем в наше время: если сейчас это обычно наёмный продавец медикаментов со средним фармакологическим образованием, то в средневековой Азии эта профессия была сродни лекарю, алхимику или астрологу и требовала недюжинных познаний и навыков). Аль-Хазраджи появляется в её доме как раз незадолго до рождения у неё сына, которому (что можно рассматривать как акт примирения Абдуллы с умершим более двадцати лет назад отцом) даёт имя Джабир.

(Говоря о потомках аль-Хазраджи, нельзя не вспомнить также о некоем Пьере д'Азраде, упомянутом в комментариях к Книге Бенатх, одной из рукописей Пнакота, где указано, что он «описал снадобье Мреда», помогающее в странствиях по пещерам Пнакота, что он «отыскал в мечети тайное место, посвящённое Древним», и что его «погубила пирамида Аменемхета в Дахшуре, дабы сохранить свои тайны». Родовое имя —

французское «д'Азрад» значит то же самое, что арабское «аль-Хазраджи» — и явная преемственность интересов дают основания полагать, что речь идёт об одном из потомков Ибн Джабира. Французское имя не должно приводить в недоумение: начиная с арабских завоеваний в Европе и последовавших несколько веков спустя Крестовых походов, контакты Франции с арабским миром были весьма многочисленны и обоюдосторонни, — однако, к сожалению, мы не располагаем ни подробной родословной, ни даже приблизительными датами жизни Пьера д'Азрада.)

Позднее Джабир-младший переезжает в Куфу, что неподалёку от руин Вавилона, где успешно следует по стопам своего знаменитого деда и менее знаменитого отца, став одним из самых выдающихся алхимиков, медиков, фармацевтов, математиков и астрономов арабского Востока VIII-IX веков. У Джабира аль-Азди было множество подражателей, арабских и европейских (в Европе он был известен под латинизированным именем Гебер), в результате чего лишь о некоторых из двух тысяч работ, подписанных его именем, можно уверенно сказать, что они принадлежат знаменитому внуку аль-Хазраджи. Абу Абдулла Абу Муса Джабир ибн Хайян аль-Азди ас-Суфи составил комментарии к «Началам» Евклида и к «Альмагесту» Птолемея. Ему принадлежат «Книга о построении астролябии» (описание этого прибора, полученное от Севери Себохта, Абдулла аль-Хазраджи оставил ему в наследство вместе с некоторыми другими книгами, написанными им или обнаруженными в старинных библиотеках), «Изящный зидж», «Книга о положении светил», «Книга о зеркалах», «Книга ядов и противоядий» и «Книга милосердия».

Благословив младенца долгими годами жизни (Джабир аль-Азди прожил 94 года — на четыре года больше, чем его дед и прадед; по другой версии, впрочем, всего 82, но и это, согласитесь, неплохо), Абдулла достигает Басры, где, как уже упоминалось выше, встречается с Хасаном аль-Басри, ставшим к тому времени кадием этого города. Группировавшийся вокруг него теологический кружок был центром интеллектуальной жизни Басры и всего Омейядского государства, а авторитет самого аль-Басри был столь высок, что к своим учителям его причисляли и традиционалисты, и рационалисты, и суфии.

14. Саддам ибн Шахаб

В Басре аль-Хазраджи знакомится и с Саддамом ибн Шахабом — арабским мистиком, вернувшимся недавно из оккупированных халифатом земель вестготов (территория нынешней Португалии), пережившим видения и откровения, аналогичные тем, что испытал сам Абдулла и его тибетский «коллега» Идак Янг, и теперь находящимся в состоянии глубоких сомнений относительно исламского вероучения. Ибн Шахаб был значительно младше Ибн Джабира, но на последнего произвело огромное впечатление литературное творение Саддама, известное сейчас как «Сновидения долины Пнакота». Стараясь научиться хоть как-то контролировать свои видения, Ибн Шахаб интуитивно нащупал некоторые из методов работы со сновиденным пространством, широко доступные ныне благодаря Карлосу Кастанеде и Хакерам Сновидений. На некоторое время он, несмотря на молодость, стал учителем аль-Хазраджи по части осознанных сновидений и его проводником по просторам великого Трока, сумеречной долине Пнакота и лабиринтам Зина. Сам же Саддам, подобно губке, впитывал изливаемые нашедшим заинтересованного слушателя Ибн Джабиром истории о Древних и изложения медитативных практик, используемых для пробуждения «второго внимания», как сказали бы нынешние сновидцы, равно как и методов выживания в пустыне.

Расставшись со своим учеником и учителем в одном лице, Ибн Шахаб удалился вскоре в Сирийскую пустыню, где провёл долгие годы. Знаменитый суфийский мистик XX века Идрис Шах рассказывает в своей книге «Магия Востока», что во времена первых багдадских халифов из династии Аббасидов (50-е годы VIII века) Саддам («Садома») «никогда не брал с собой в пустыню еды, но в любой момент мог добыть воду и фрукты сверхъестественным путём», чем приятно удивлял заблудившихся в песках путников и что приписывали участию то ли джиннов, то ли птицы Рух. Кроме того, пользуясь уроками Ибн Джабира, он написал несколько трудов по магии и мифологии Древних, среди которых (благодаря Эмилю фон Юнтцу) сохранились до наших дней только фрагменты «Сочинения о градах проклятых и таинствах запретных».

15. Появление в Дамаске и проклятие Омейядов

Сам же аль-Хазраджи, оставив Ибн Шахаба в Басре, следует через Вавилон (где он снова останавливается на некоторое время, о чём известно из шести написанных на руинах древнего города писем «странника Абдуллы» некоему «Измаилу Дамасскому» — разумеется, не историческому эмиру Измаилу Дамасскому, а какому-то его тёзке; письмо это хранится в Иорданском музее под шифром 8371-2-87) и Пальмиру (в окрестностях которой он находит «Чёрную Вершину» Джебаль-Ансари, где поклонялись Йог-Сототу) в Дамаск, столицу Омейядов. Достигнув города примерно в 722 году, Ибн Джабир с гневом и негодованием узнаёт, что вступивший недавно на престол Язид II издал эдикт, предписывающий уничтожение всех художественных изображений на территории халифата, нарушив тем самым соглашение, заключённое много лет назад между Абдуллой и Муавией. По византийским источникам [*Theoph.*], это решение он принял по наущению некоего иудейского мага, который предсказывал халифу долгое правление, если тот разрушит иконы. Археологические данные подтверждают, что христианские церкви в этот период действительно пострадали, однако эдикт был направлен против всех, в том числе и нехристианских изображений, в связи с чем мы полагаем, что этот маг был знаком и с аль-Хазраджи, и с его пророчеством, и имел какие-то собственные причины разрушить благословение, данное Муавии.

Итак, Абдулла ибн Джабир явился в резиденцию халифа и потребовал немедленно отменить эдикт, а также по мере возможности вернуть изъятые ценности владельцам или компенсировать стоимость безвозвратно утраченного. Взбешённый такой наглостью «безумца», Язид чуть было не велел казнить его на месте, но по каким-то причинам не только оставил в живых, но и предоставил жильё и возможность заниматься научными изысканиями. Однако Абдулла не пожелал или не смог вернуть благословение Омейядам. Язид II умирает в 724 году, в расцвете лет (причину нам установить не удалось, но в данном случае она и не существенна). Его наследник, Хишам ибн Абд аль-Малик, поспешно отменяет эдикт Язида, тщетно надеясь на повторное благословение. Он умирает через несколько лет после аль-Хазраджи, а ещё через десять лет Аббасиды, потомки Али, свергают и истребляют Омейядов по всему халифату, кроме Ан-

далузии. Показательно, что Аббасиды начинают своё правление в Харране, городе в Северной Месопотамии, неподалёку от родной Бет-Арабае Абдуллы ибн Джабира.

16. Аль-Азиф

В Дамаске аль-Хазраджи зарабатывает себе на жизнь несколько странным образом для столь почтенного мужа: исполняя на площадях свои стихи и собирая подаяния за свои эсхатологические проповеди. Примерно в 722-723 году он принимается за один из самых основательных трудов (и единственный, дошедший до нас хотя бы более-менее обширными фрагментами), своего рода завещание, книгу, озаглавленную им *Китаб Аль-Азиф* (Книга Аль-Азиф). К сожалению, мы не располагаем достоверной информацией о том, что означает это название. Некоторые источники указывают, что в арабском языке это словосочетание означает звуки, издаваемые цикадами и другими ночными насекомыми, которые в фольклоре часто именуются беседой демонов или джиннов, что связывает эту книгу с историей «шайтанских аятов», упомянутой в начале этого жизнеописания. Историк ислама аль-Нихайя указывает на подобную версию: «Aziful Jinn — это звенящие голоса джиннов... люди пустыни считали завывания ветра песнями джиннов». Попадался нам и достаточно необычный перевод: «Книга исцелений», как знаменитый трактат Ибн Сины (Авиценны). Арабско-русский же словарь Баранова даёт следующие варианты перевода: *azif* — наступающий (о времени); *azifat* — страшный суд, всеобщее бедствие. Эта версия (Книга Грядущего, Книга Катастроф или Книга Страшного Суда) кажется нам более похожей на правду, учитывая эсхатологический характер этого произведения.

Различные источники указывают на то, что оригинал Аль-Азиф выполнен на человеческой коже. Мы не считаем эту версию в полной мере достоверной, поскольку у проживающего в мусульманском Дамаске аль-Хазраджи вряд ли была возможность добыть и обработать такое количество подобного материала (тем более на три экземпляра, которые, согласно Юсту Константинопольскому, написал аль-Хазраджи). Однако тщательно произведённая нами экспертиза имеющегося в нашем распоряжении греческого списка выявила, что пергамент находящейся у нас прекрасно сохранившейся греческой рукописи Феодора Филета изготовлен, разумеется, именно из кожи христианских мла-

денцев. Реконструкция этого текста, выполненная Армией Р'льеха на основании имеющихся в нашем распоряжении фрагментов и упоминаний в других источниках, греческого списка, обнаруженного в 2006 году при раскопке старинной православной часовни, расположенной примерно на 53° с. ш. и 29° в. д. (т. н. «Библиотека аль-Хазраджи», где находился и ряд иных текстов о Древних), и материалов из лабиринтов Зина, была опубликована издательствами «Метатрон» и «Золотое сечение» под общим заглавием «Завет Мёртвых» в составе трёхтомника «Запретная магия Древних» (ISBN 5-91078-085, 5-91078-086, 5-91078-089), а также Обществом Сознания Смерти, поэтому мы не видим смысла подробно излагать содержащуюся в ней информацию. Кроме того, к истории переводов и изданий Аль-Азиф мы ещё вернёмся во второй части данного исследования. Здесь лишь дадим краткую оценку значимости этой книги, которую она оказала на современников и потомков — или могла оказать, не будь она несправедливо забыта миром на долгие века. Подобно тому, как Нострадамус пользовался ритуальной магией, чтобы заглянуть в будущее (именно расшифровка его Центурий, как и следовало ожидать, дала нам ключ к местонахождению греческого Некрономикона), так Абдулла ибн Джабир использовал аналогичные приёмы, чтобы узнать прошлое. По этой причине, а также из-за недостатка ссылок, историки и учёные отвергли Аль-Азиф, сочтя его лишённым научной ценности.

Вероятно, в Дамаске и ранее аль-Хазраджи имел доступ ко множеству ныне утраченных и смог детально изучить события, на которые лишь намекают Книга Бытия, апокрифическая Книга Еноха и прочие традиции. Можно сказать, что для прояснения подробностей доисторических событий он пользовался сомнительными магическими методами, однако критичный ум и стремление исследовать скрытый смысл мифологических и священных историй роднят его с греческими писателями V века до н.э., такими как Фукидид. Рассуждения его выглядят на удивление современно, и этим, в частности, может объясняться его нынешняя популярность. Несмотря на то, что книга пестрит всевозможными суевериями, метафизическими спекуляциями, предрассудками и синкретическими (даже эклектичными) мифологическими образами, характерными для Средневековья вообще (порою трудно понять, какие строки выражают ис-

тинные взгляды автора, в каких излагаются известные ему легенды, а какие — лишь метафорическое, поэтизированное описание реальности), местами она на много столетий опередила своё время.

Он разделял с некоторыми неоплатониками веру в то, что звёзды подобны нашему Солнцу и вокруг них обращаются невидимые с Земли планеты, на которых существуют особые формы жизни. Описывая планеты, автор использует слово «шар», а не «диск», как сделали бы многие средневековые авторы (впрочем, ещё за пару веков до него о сферичности Земли и других планет было хорошо известно индийским астрономам), и знает о планете «меж небесами Сатурна и небесами неподвижных звёзд», обладающей единственным спутником (т. е. о Плуtone, открытом лишь в XX веке). В суре «О Йидре, навевающей сны», аль-Хазраджи предвосхитил эволюционные представления XVIII-XIX веков («и слизь обращалась червём, и червь — змием, и змий обращался троглодитом горных лесов, и троглодит обращался человеком»; впрочем, не исключаемы и того, что он ознакомился с подобными представлениями в более ранних источниках, вроде индийской же Книги Акло (Дзиан), написанной неким Пеш-Хун Лану в конце VII — начале VIII в., где эволюционные взгляды описаны ещё более подробно и отчётливо).

Регулярны авторские намёки на многомерность пространства, для которого видимая его часть — всего лишь проекция (современные учёные только подбираются к обоснованию этой концепции). Как утверждают некоторые исследователи, наибольший интерес учёных вызвала пара верховных божеств пантеона Древних — Йог-Сотот и Азатот. Первый из них является воплощением бесконечного хаоса и расширения, иррациональной протяжённости пространства и времени. Он — единая и неразрывная связь между прошлым, настоящим и будущим. Второй — это, наоборот, персонификация абсолютного сжатия, концентрации времени, пространства и материи в одной точке. Поразительно, но эти образы Аль-Азиф оказались созвучны новейшим открытиям в области квантовой физики и теории поля, попыткам учёным смоделировать процессы, управляющие состоянием вещества, а также изменениям пространства и времени. Не

менее поразительно сходство этой пары с высшими сущностями кроулианской Книги Закона — Ньюит и Хадитом (к взаимосвязи этих двух традиций мы ещё вернёмся).

Восхищает также весьма поэтичная и мистичная сура «О Каф неведомой, тысячетлетней», где — необычайно смело для своего времени и своей страны! — Ибн Джабир прямым текстом призывает Человека стать на одну ступень с богами (ср. также Liber OZ Алистера Кроули: «Нет Бога кроме Человека»), а в суре «Об ахурах, богах земных» столь же прямо заявляет: «грёзы и видения человеческие, вызванные к жизни желаниями их и движимые волею их, заставили ахуров (богов) проявиться из ткани пространства в тёмные времена начала рода Адамова». Интересны и суры «О великом Троке, сумрачной долине Пнакота и лабиринтах Зина», «О великом ключе» и «Раскрытие oka Грезящего», в которых поэт (к сожалению, очень бегло) обозначает некоторые приёмы работы с осознанными сновидениями. Ряд черт, характерных для Аль-Азиф и других текстов Библиотеки аль-Хазраджи, сближает эту космологию с более известной системой — Каббалой, которая, как считают современные историки, зародилась как раз в Вавилонии и Византии в VII-VIII вв., когда появилось довольно много мидрашей (толкований Торы) с выраженными каббалистическими тенденциями. Надеемся, читатели — маги и не-маги, верующие и атеисты — смогут найти и другие интересные моменты, делающие эту книгу одним из самых значительных трудов по арабской магии раннего Средневековья.

Религиозная система автора Аль-Азиф опирается на языческие представления о джиннах, которые могут быть соотнесены с Древними — правившими Землёй и воевавшими друг с другом, пока они не были выдворены другой расой (Старшими). Земные условия изменились, мешая им жить, но и не убив до конца. Так они погрузились в сон до тех пор, пока всё не вернётся на круги своя, но их дух (единая Душа Хаоса, Ньярлатхотеп) обитает снаружи или меж пространств, известных нам. Освободившись от законов природы, Древние ввергнут вселенную в Хаос. Эта религия — такой вид анархии, в которой не признаются даже законы физики.

Стоит, однако, заметить, что, при всей своей фундаментальности, Аль-Азиф — всего лишь черновик, незаконченное произведение, так и не прошедшее окончательной

авторской редакции в связи с гибелью или исчезновением Ибн Джабира (речь об этом пойдёт чуть дальше). Этим (хотя и не только этим) могут объясняться различные шероховатости текста, несвязность отдельных фрагментов, отсутствие местами чёткой терминологии, использование различных наименований и эпитетов для одних и тех же сущностей или, напротив, одних и тех же — для различных. Полагаем, проживи аль-Хазраджи чуть дольше, он не только довёл бы материал до литературного и философского совершенства, но и одарил бы человечество ещё не одним исследованием.

Утверждают, что в оригинальной рукописи было более 900 или даже более 1000 страниц, составляющих 7 (по другой версии 9) томов, скорее всего не идентичных Китабам (Книгам) современного издания. Согласно теории, принадлежащей профессору Альфреду Уэрдю, упоминание св. Фотием (820-891) писаний некоего «Дамаския» — «352 глав невероятных фантазий... 52 глав удивительных легенд о богах... 63 главы о появлении душ после смерти... 150 глав о необычных явлениях» — относится именно к книге безумного араба, а вовсе не к произведениям сирийского философа, последнего схолаарха Платоновской Академии и Афинской школы неоплатонизма. По-видимому, это самое полное существующее на данный момент описание свода текста о Древних, сложившегося к IX тысячелетию нашей эры. Если эта версия найдёт подтверждение, мы сможем иметь некоторые представления о том, каков был полный состав исходного текста Аль-Азиф. Пока что из более чем 600 обозначенных глав обнаружено, расшифровано и переведено чуть больше двухсот или (в лучшем случае, с учётом всех текстов Библиотеки аль-Хазраджи) трёхсот...

17. Аль-Хазен

Отвлечёмся на миг от биографии Абдуллы аль-Хазраджи и перенесёмся на несколько веков вперёд, чтобы рассказать о человеке, которого иногда называют прототипом лавкрафтовского Альхазреда. Этот человек, известный как «безумный учёный» из Каира — или Абу Али аль-Хасан ибн аль-Хасан ибн аль-Хайсам аль-Басри, которого западные историки называли аль-Хазеном. Он родился в Ираке, в Басре, в конце X века, точнее — в 965 году н. э. В свои тридцать лет он знал совершенно все премудрости математики и физики, а также философии и многих других запрещённых наук, да так, что

египетский халиф аль-Хаким из благоговения к нему отправил его в Каир углублять свои познания. В Каире, наблюдая за периодическими пагубными разливами Нила, аль-Хазен представил себе разрешение этой проблемы, предлагая построить плотину в Асуанском ущелье. Да, именно в Асуане, где в 1971 году, то есть почти десять веков спустя, на самом деле была торжественно открыта знаменитая гигантская плотина высотой 141 метр и длиной более трёх с половиной километров, сделавшая возможным образование озера в 5180 квадратных километров! Но у технологии свой долгий путь, и хотя идея аль-Хазена была гениальнейшей, после основательного изучения места и обсуждения неисчислимых конструктивных проблем со своими помощниками, назначенными ему аль-Хакимом, он заключил, что воздвигнуть плотину невозможно физически с имеющимися в распоряжении убогими средствами. Честно изложив свои доводы халифу (хорошо известному тем, что он предавал смертной казни всех, кто не оправдал его надежд), учёный добавил, однако, что он не вполне ответственен за неудачу: его ведь считают... безумным. Так как мусульманский закон защищал «умалишённых», считая, что их коснулась божья рука, аль-Хазена заключили в тюрьму до смерти невеликодушного халифа, которая наступила в 1021 году.

«Безумному» же арабу аль-Хазену нужно было жить далее, и он занялся переводами трудов Евклида и Птолемея, продолжая и свои, по сути запрещённые, изыскания. Позже был выпущен его более чем значительный научный труд под названием «Opticae thesaurus» (в переводе с латыни — «Справочник по оптике»), в котором он подробно и правильно уточнил, что зрение зависит не от химерического «испускания световых лучей», которые, исходя из глаза, доходят до обозреваемого объекта, а, напротив, от световых излучений, которые, воздействуя на чувствительные части глаза (сетчатку, колбочки, палочки и т. д.), вызывают в оптическом нерве, а затем и в мозге восприятие окружающей нас действительности. Леонардо да Винчи и его аналогичные учения появились лишь через четыре столетия. Аль-Хазен указал впервые и причину, по которой размер любого объекта представляется нам всё меньшим по мере удаления от нас. Сегодня это для нас почти банально, но достоверное и точное физическое объяснение было дано — и это один из самых замедленных повторов науки — только в XVII веке.

Может, прозвище «безумный араб» современникам аль-Хазена и казалось вполне уважительным именно из-за его идей, его открытий и изобретений, намного опережавших их время!

Ещё пример: аль-Хазен изобрёл камеру обскура — речь о далёком XI веке, — заложив тем самым основы фотографии. Но ему следовало подождать ещё немало столетий, потому как тогда всё это воспринималось скорее как... колдовство. И всё же его основательные исследования о структуре глаза были полностью включены в медицинские трактаты того времени, изданные после 1246 года, когда часть его работ была переведена на латынь. Известна ведь, например, и т. н. «задача аль-Хазена» (или задача о шаре), состоящая в исчислении пути, который световой луч должен пройти (в однородной среде) от данного источника до глаза после отражения от сферического зеркала.

Ненасытная и безумная любознательность привела аль-Хазена и к изучению явления рефракции света, когда он погружал стеклянные предметы в сосуд с водой и демонстрировал, как отклоняются световые лучи, преломляясь в этих предметах, при переходе в прозрачную, но разной плотности среду. Любопытны его изыскания в оптике — в частности, на органе зрения. Благодаря этому удивительному учёному был введён термин «lente» (итал. «линза»), так как «безумный араб» написал, что хрусталик имеет форму чечевицы — на латыни *lens*.

Как часто бывало в прошлом и до сих пор происходит, что официальная культура оказывается чересчур консервативной, а политический и религиозный истеблишмент боится нового; что определённые идеи и эксперименты требуют немало мужества и богатого, очень богатого воображения! А кто станет плыть против течения, непременно будет объявлен «безумным». Это в лучшем случае... Так случилось и с гениальным «безумным арабом» аль-Хазеном, опыты которого многие однозначно растолковывали как признаки его помешательства до самой его смерти, наступившей в 1039 году. И, конечно же, нет ничего удивительного в том, что эту выдающуюся личность считают порой прообразом Альхазреда, хотя аль-Хазен и жил тремя веками позднее, чем исторический аль-Хазраджи...

18. Иоанн Дамаскин

Рассказывая о жизни Ибн Джабира в Дамаске, нельзя не упомянуть его знаменитого современника Иоанна Мансура Дамаскина, христианского святого, одного из отцов церкви, первого обличителя ислама, богослова и гимнографа. Его отец Ибн Серджун служил при дворе Омейядов в звании «великого логофета», т. е. мытаря, сборщика податей. Впоследствии его сменил сам Иоанн. Согласно преданию, он учился вместе с братом Косьмой Маюмским у некоего пленного инока из Калабрии (тоже по имени Косьма). Оба они обнаружили необыкновенные способности: легко усвоили грамматику, философию, астрономию и геометрию, а через некоторое время сравнялись с наставником в знании Писания (к которому здесь относились и Библия, и Коран). После смерти отца Иоанн стал одним из советников халифа Умара II (период правления с 717-го по 720-й) по вопросам христианской веры.

В период иконоборчества (т. е. с 721 года, если иметь в виду иконоборчество мусульманское, или с 730, если византийское; скорее всего, речь идёт о втором) Иоанн выступал в защиту почитания икон. Он написал трактат «Три защитительных слова в поддержку иконопочитания», в которых иконоборчество понимается как христологическая ересь, а также впервые различается «служение», подобающее только Богу, и «поклонение», оказываемое тварным вещам, в том числе и иконам. Книги Иоанна и влияние их на сознание людей привели византийского императора в ярость. Но, так как автор их не был византийским подданным, его нельзя было ни заключить в тюрьму, ни казнить. Император прибег к клевете. По его приказанию от имени Иоанна было составлено подложное письмо, в котором последний будто бы предлагал императору свою помощь в завоевании сирийской столицы. Это письмо император Лев III Исавр отослал халифу. Халиф, не подозревая подлога, приказал отстранить Иоанна от должности, отсечь ему кисть правой руки и повесить её в центре города на всеобщее обозрение. Вечером по просьбе святого Иоанна халиф повелел вернуть ему отсечённую руку. Согласно христианскому житию, Дамаскин приложил её к суставу и «стал молиться пред иконой Пресвятой Богородицы и просить исцеления». Обессиленный, он будто бы «задремал на молитве и увидел Божию Матерь, которая сказала, что рука его здоро-

ва, и повелела усердно трудиться ею во славу божию. Проснувшись, святой Иоанн ощупал свою руку и увидел её исцелённой».

Несомненно, две такие выдающиеся личности в одном городе не могли не быть знакомы, однако вряд ли стоит приписывать «чудесное» исцеление Богоматери: поскольку и Ибн Джабир (как мы отметили выше), и Дамаскин были сторонниками использования образов в религиозном культе, а также поскольку оба были весьма широко образованными людьми, между ними завязалось достаточно тесное общение. Поскольку история с отрубленной рукой датируется не совсем точно (не ранее 730-го и не позднее 736-го, когда Иоанн принял монашеский постриг в Иерусалиме, при том что аль-Хазраджи умер в 732-м), точно неизвестно, помог ли сабий Дамаскину лично или же святой просто воспользовался приёмами, которым научил его маг. Все эти рассуждения, разумеется, имеют смысл только в том случае, если христианское житие правдиво хотя бы в фактологии. Иначе же, что более вероятно, это мог быть либо сговор аль-Хазраджи, Дамаскина и халифа Хишама, совершённый ими в неких политических целях, либо умело наведённая Ибн Джабиром или его учеником Иоанном иллюзия. Мы не исключаем также возможности, что житие это изобилует ложью или ошибками, и в таком случае историческим фактом можно считать лишь сам факт знакомства и дружбы двух жрецов.

19. Последнее путешествие

Наконец, мы подходим к последней странице жизнеописания мага, поэта и вероучителя Абдуллы ибн Джабира аль-Хазраджи аль-Ансари — к истории его смерти. Движимый предчувствиями о приближении смерти, «безумный араб» отдаёт почти всё своё имущество на завершение строительства Дамасской мечети, которая получила большую известность в истории арабо-мусульманской науки как подлинный университет, где обучали «всем религиозным и светским наукам». Он снаряжает караван на юг в надежде снова добраться до развалин Ирема. Быть может, он хотел умереть именно там, где обрёл осознание своего предназначения (выражаясь в терминах буддизма — Просветление; но, наверное, в данном случае куда уместнее термин телемитской традиции: Знания Бездны); или же он надеялся спастись там от преследующих его во сне и

наяву Древних и их эмиссаров; или же он желал найти там некоторые недостающие детали мозаики, должны дополнить его видение мира или принести физическое бессмертие. Так или иначе, за девять дней до смерти он (как следует из текста Аль-Азиф) уже явственно чувствовал, что до Ирема ему не добраться: близилось солнечное затмение, и он знал, что не переживёт его.

Именно затмение позволяет нам с высокой точностью определить время и место смерти аль-Хазраджи. Принято считать, что он скончался в 738 году в Дамаске, однако астрономические данные не позволяют нам принять эту версию: полное затмение в этом году наблюдалось только в районе Аляски и Чукотки, а мы не можем допустить, что даже этот великий маг и путешественник забрался так далеко, разве только с непосредственной помощью Древних. Мы составили список всех затмений с 720 до 750 года (захватывать бо́льший период, на наш взгляд, не имело смысла) и обнаружили лишь три полных затмения, которые мог наблюдать аль-Хазраджи. Полная фаза двух из них, в 740 и 747 годах, была видна над Эфиопией, третья, в 732 году, проходило по территории Аравии примерно от Мекки до Катара (т. е., как легко заметить по карте, пересекало путь из Дамаска к Руб аль-Хали и Ирему). Таким образом, можно уверенно говорить, что смерть настигла Ибн Джабира в Аравии, недалеко от границ Руб аль-Хали, 1 марта 732 года (что согласуется и с рядом других фактов и дат, как, например, эдиктом Язида II, началом монашества Иоанна Дамаскина, указаниями о времени перевода рукописи на греческий и т. д.), после полудня, но до заката (скорее всего, время можно назвать и точнее, но для этого нам не хватает астрономических познаний). К вопросу о том, почему так разнятся даты, указанные прежними биографами (730 год как год начала написания Аль-Азиф и 738-й — как год смерти, а также девяносто лет жизни у нас в противовес восьмидесяти трём — в традиционных источниках, хотя, казалось бы, из более ранней даты смерти должна следовать и меньшая продолжительность жизни), мы ещё вернёмся, когда речь пойдёт об истории переводов бессмертного творения аль-Хазраджи, сейчас же упомянем некоторые предания относительно гибели Безумного Поэта и его посмертной участи.

20. Вознесение аль-Хазраджи

О его смерти или исчезновении ходило множество зловещих и противоречивых слухов. Сообщают (со ссылкой на черновики Ибн Халлекана к его знаменитому труду «О смертях великих людей»), что он «был схвачен и унесён невидимым чудовищем средь бела дня на глазах у множества окаменевших от ужаса свидетелей» (в более развёрнутой версии того же предания, уже не сохранившей ссылки на первоисточник, появляются многие дополнительные детали: «однажды, когда он покупал на рынке вино, его подняло в воздух некое невидимое создание огромного размера и силы, и его голова, руки и ноги были оторваны от торса и съедены, так что всё его тело исчезало из виду по частям, оставляя на песке только брызги крови»). Иоанн Антиохский (Иерусалимская библиотека, шифр 239-64) повторяет эту историю, описывая его как «рок, настигший Абдуллы». Огюст Дерлет (указавший, кстати, дату смерти аль-Хазраджи гораздо точнее, чем Лавкрафт: 731 год) рассказывает, что Абдулла был заживо принесён Древними или их прислужниками в Безымянный Город (под которым может подразумеваться Ирем или иной город, обнаруженный Безумным Поэтом в его скитаниях), секреты которого он изучал ранее и описал в Аль-Азиф. В наказание за разглашение этих тайн он якобы был ослеплён, ему вырвали язык и, впоследствии, казнили (эти кровавые подробности удивительным образом пересекаются с преданием о «йеменской принцессе», в которую якобы влюбился аль-Хазраджи в Сане, что легче всего объяснить жестоким средневековым «духом времени», чем какими-то подлинными историческими фактами). Хотя все эти истории могут быть лишь пропагандой ортодоксально-го ислама.

Более достоверными мы считаем предсмертные свидетельства самого аль-Хазраджи, записанные в последней суре Аль-Азиф. Как явствует из этого текста, накануне смерти он находится в походном шатре, на пути к Ирему. «Безмолвна ночь, пришедшая средь бела дня, — говорит аль-Хазраджи после торопливых наставлений потомкам. — Вой шакалов тих и едва различим... Звёзды тускнеют на местах своих, и луна завесою отдёрнутою являет пламень солнца предо мною. Гули шакалоглавые окружают святилище моё. Дивные лучи пересекают стены и полог шатра моего, и свет за преде-

лом его утратил яркость свою. Ветер поднялся. Тёмные воды волнуются». Таким образом, смерть настигла его тогда, когда полная фаза затмения уже миновала, и никаких «окаменевших от ужаса свидетелей», упомянутых почтенным Ибн Халлеканом, при этом не присутствовало. Мы не можем уверенно говорить о том, умер аль-Хазраджи от ужасных видений, разорвавших его сердце, от старости, были ли убит человеком или иным существом. Нельзя даже сказать наверняка, умер ли он в этот день вообще или просто «пропал без вести», хотя некоторые заслуживающие доверие источники указывают, что тело его тем же караваном доставили в Руб аль-Хали, где он и был похоронен. Сам аль-Хазраджи незадолго до смерти выразил твёрдую веру в то, что обрёл физическое бессмертие и будет взят в земли Древних, как это случилось с Идрисом (Енохом). Апеллируя к признанной международным правом свободе совести и вероисповедания, мы называем это событие Вознесением аль-Хазраджи и приравниваем его к Паринирване Будды (ибо если Иисусу удалось воскреснуть, а Мухаммеду — перенестись в одну ночь из Мекки в Иерусалим, то не выше ли их аль-Хазраджи, Пророк Древних?). Именно этот день последователи Пророка Древних воспринимают как начало нового, ктулхуистического летоисчисления.

Прежде, чем мы перейдём к истории переводов Аль-Азиф, отметим несколько любопытных исторических событий, последовавших за смертью сабийского мистика. Уже в октябре 732 года состоялась битва при Пуатье, в которой объединённые войска франков под командованием Карла Мартелла одержали победу над арабами, остановив продвижение ислама в Западную Европу, а в 739-м франки полностью изгнали арабов со своих земель. В 740 году византийская армия императора Льва III Исавра также одерживает над арабами победу при Акроине. Это сражение положило конец завоеваниям Омейядов в восточной части Византийской империи. В 743 году берберские племена Испании восстают против арабов, и в течение одного этого года сменяется сразу четыре халифа. В 745-м Константин V возвращает Византии Северную Сирию, в 746-м наносит поражение арабскому флоту у берегов Крита и возвращает империи Кипр. В 747 году в Мервском оазисе восстают сторонники Абу Муслима, в 748-м происходит народное восстание в Армении. Наконец, в 750 году, после трёхлетней борьбы омейяд-

ские войска окончательно разгромлены Аббасидами. Халиф Мерван II бежал в Египет и там погиб. Династия Аббасидов вступает на халифский престол и переносит столицу в Багдад. Омейяды и их сторонники безжалостно уничтожаются. Проклятие аль-Хазраджи действует быстро, неумолимо и жёстко.

Еретические тексты и ранние биографы (напр., Абд аль-Джаббар) говорят о постижении Безумным Поэтом тайн Красной Пустыни и скором его возвращении в качестве «Махди Йог-Сотота». Его последователи были подавлены мусульманами и вынуждены скрываться, но Аль-Азиф и другие тексты Библиотеки аль-Хазраджи хранились и переписывались, пока не стали известны в Европе и (преимущественно в греческом переводе) на Ближнем Востоке.

Fr. Nyarlathotep Otis

21. Краткая хронология жизни Абдуллы аль-Хазраджи¹

- *8 августа 642, не позднее полудня (3 рамадана 21 г.х.)* — Рождество Абдуллы ибн Джабира Захр-ад-дина аль-Хазраджи.
- *642-651* — детство Абдуллы; его первое знакомство с Софинеромом и другими гностическими текстами.
- *646* — уничтожение большей части Александрийской библиотеки по приказу халифа Османа.
- *651* — смерть Йездигерда III; подчинение Персии Халифату.
- *17 марта 651, утро (15 раджаба 30 г.х.)* — Хиджра Абдуллы ибн Джабира Захр-ад-дина аль-Хазраджи (начало его странствий).
- *Начало февраля 652* — Абдулла достигает предгорий Арарата.
- *7 февраля 652, ок. 3:30 (17 джумаада с-саани 31 г.х.)* — первая встреча с культуристами Древних
- *Весна 652* — византийский патриций Пасагнатес сдаёт арабам Армению; Абдулла направляется к руинам Вавилона.
- *652-654* — Абдулла на руинах Вавилона.
- *655-658* — знакомство с Йак-Тообой и ученичество у него; переводы Книги Изгнаний, Книги Земли Маганской и др. шумеро-аккадских текстов.
- *659* — возвращение Абдуллы в Бет-Арабайе.
- *660* — встреча в Басре с Муавией; благословение рода Омейядов; Абдулла достигает границ Руб аль-Хали и встречается с Эбонором.
- *660-669* — странствия Абдуллы по пустыне.
- *661* — Муавия захватывает власть в Халифате и переносит столицу в Дамаск.
- *Ок. 668* — Абдулла достигает Ирема.
- *670* — Абдулла появляется в Сане (Йемен).
- *670-692/694* — жизнь в Йемене; Книга Джиннов и некоторые другие труды; знакомство с трудами Прокла Диадохса; первые ученики; женитьба.

¹ Жирным выделены праздники Кльта КЗФ, основанные на событиях с точной датировкой.

- *Начало 690-х* — рождение дочери.
- *Февраль 693, 694 или 695* — Абдулла покидает Сану.
- *Весна 693, 694 или 695* — хадж Абдуллы; кощунственные высказывания у стен Каабы; посещение Петры, Иерусалима; смерть йеменского ученика, Ибн Марута, в результате неудачного магического эксперимента.
- *695-696* — появление в Египте; Пер-Бастет, Александрия; знакомство с Кефнесом и уцелевшими рукописями Александрийской библиотеки; очищение Чёрной Мечети; новая встреча с Йак-Тообой, присоединение к его последователям.
- *Ок. 698* — смерть Йак-Тообы.
- *Ок. 700* — убийство Ибн Газула; возглавление Культа; посещение Гизы, Фив и других городов Египта.
- *700-705* — жизнь в катакомбах Мемфиса.
- *Ок. 706* — очередное посещение руин Вавилона; возвращение в Александрию.
- *706-708* — африканские путешествия Абдуллы; жизнь среди пиратов.
- *708* — возвращение в Сану; возглавление Культа Даджала.
- *710-719* — путешествие на восток; Басра, Шираз, Пенджаб, земли самодийцев, восточную часть Хазарского каганата (к антиподу Р'льеха) и т. д.
- *Ок. 719* — посещение «Долины Гробниц»; встреча с Шарру-кином; посещение Самарканда и Бухары; встреча с Идаком Янгом.
- *720* — посещение Туса; рождение внука, Джабира (Гебера).
- *721* — посещение Басры; встреча с Саддамом ибн Шахабом; посещение руин Вавилона; письма Измаилу Дамасскому; посещение «Чёрной Вершины» близ Пальмиры.
- *722* — прибытие в Дамаск; встреча с Язидом II; проклятие Омейядов; знакомство с Иоанном Дамаскином; начало работы над Аль-Азиф.
- *724* — смерть Язида II.
- *Конец 731 — начало 732* — Абдулла завещает значительную часть своего имущества на строительство Дамасской мечети и начинает путешествие в сторону Ирема.
- *1 марта 732, после полудня, но до заката (25 зуль-хиджжа 113 г.х.)* — Вознесение (Паринирвана) Абдуллы ибн Джабира Захр-ад-дина аль-Хазраджи.

